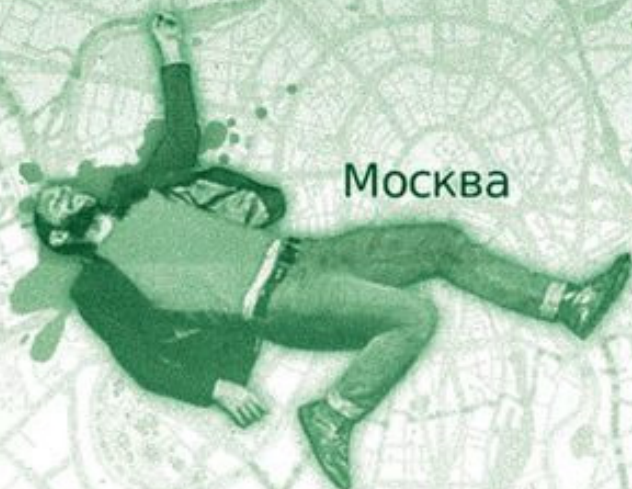

18+ АЛДЕМАР ЛЮФТ

Москва

ДЕТЕКТИВНЫЕ ПОВЕСТИ

Москвитин

ПОСЛЕДНИЙ КЛИЕНТ
ПЕНА СОЛЁНОГО МОРЕЯ
МОСКОВСКИЙ РАСКЛАД
ВРЕМЯ РАСПЛАТЫ
КОЛОДЕЦ СМЕРТИ

Валдемар Люфт

Детективные повести

«Издательские решения»

Люфт В.

Детективные повести / В. Люфт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511790-8

Приехав в Германию, Эдик открывает частное детективное агенство, но не продержавшись и года, прогорает. Выполнив последний заказ, агенство он ликвидирует и переходит на другую работу. Но клиенты по-прежнему идут к нему с просьбами о помощи. Ему приходится заниматься расследованиями в Хорватии, Казахстане, Италии, Москве и, конечно же, в Германии.

ISBN 978-5-00-511790-8

© Люфт В.
© Издательские решения

Содержание

Последний клиент	6
Пена солёного моря	39
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Детективные повести

Валдемар Люфт

Корректор Елена Кулыгина

Дизайнер обложки Таисия Королькова

© Валдемар Люфт, 2020

© Таисия Королькова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-1790-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Последний клиент

Началось всё в самый обычный весенний день. Этот день ничем не отличался от всех других. Может быть, немного дождя было меньше, может быть, было теплее, чем вчера. Но, в общем, как всегда. К вечеру мне заняться было нечем. Вот уже с полгода, как я еле-еле свожу концы с концами. Всё начиналось так хорошо и обнадеживающе. Я три с лишним года назад переехал с семьёй в Германию. У меня юридическое образование. После безуспешных попыток найти себе подходящую работу прошло полтора года. Друзья надумали открыть свою детективную контору. Пока оформлял бумаги, кредит, искал помещение для бюро, прошло еще полгода. И вот неполный год, как я частный детектив. Сначала я был полон планов и энергии. Мечтал о богатых заказчиках, об интересной и рискованной работе. Идеалист! Кроме заказов из супермаркетов, разборок мелких интриг, слежки за сексуальными маньяками и замужними авантюристками, ничего не было. И стоила эта работа совсем мало. Я больше тратил, чем зарабатывал. Кредит постепенно иссяк и заказы тоже. За последний месяц я имел всего два заказа. Правда, один заказчик был богат. Из новых русских, переселившихся на запад. Жена его начала погуливать, так думал он. Но на самом деле она от скуки стала посещать буддистский клуб, перешла в буддистскую веру, два-три вечера в неделю проводила в клубе, но мужу в этом боялась признаться.

В конечном итоге, и богатый русский записался в буддисты. Надолго ли его хватит? Неважно. Главное, он заплатил хорошо, на радостях ещё и премию отвалил. Второй заказ был от шефа заправочной станции. Он подозревал, что его работники бесплатно заправляют свои автомашины бензином. Действительно, один молодой работник заправлял свою машину и машины своих друзей бесплатно. Я это выяснил за три ночи, в которые он дежурил. Потолкался среди молодежи, которая пила пиво под навесом заправки, поспрашивал между делом, понаблюдал, как ночью подъезжали машины к заправочному аппарату, водители заправляли полные баки и, помахав рукой кассиру, уезжали. Две ночи снимал на видео. Кассира заправки уволили, я получил причитающийся мне гонорар, и на этом мои заказы кончились.

В тот день я окончательно принял решение сменить работу, сидел у себя в бюро и штудировал газету с объявлениями. Ничего интересного не попадалось. Темнело. Домой идти не хотелось. Видеть вопрошающие глаза жены и немой упрек в них, бояться вопроса о деньгах для той или иной покупки было для меня невыносимо. Ещё невыносимее слышать, как дочка, видевшая рекламы детских игрушек по телевизору, просит купить их. Для меня невозможно отказать ей, но и пообещать купить понравившуюся игрушку тоже не могу.

Мужчина постучался в дверь и сразу, не дожидаясь ответа, вошёл в бюро. Он представился Максом, но фамилию не назвал. Ему было на вид чуть больше пятидесяти. Может быть, он лишь выглядел таким старым. Голос у него был надтреснутый и усталый. Он говорил, словно выдавливал слова из себя. На круглом лице сидели маленькие пронзительные глаза. Они прощупывали тебя насквозь, и в их глубине светилась тоска и боль. Он шёл к моему столу, немного сутулясь и как будто боясь чего-то. На мой вопрос, чем я ему могу помочь, он вытащил из старого кожаного портфеля папку с бумагами и положил на мой стол.

– Откройте и прочитайте, а потом поговорим.

Я открыл папку. В ней лежали вырезки из старых газет, на двух страницах – заключение врача-психиатра и несколько фотографий. С одной – смотрело счастливое лицо молодой девочки. Возраст определить было трудно, но больше двенадцати лет я ей не дал бы. Она была ещё на одной фотографии, и рядом с ней здесь стояли мужчина, сидевший сейчас напротив меня, и красивая женщина лет тридцати пяти. На девочке была голубенькая курточка, две косички торчали в сторону, и в руках она держала красноглазого кролика. Мужчина выглядел на фотографии молодым, в глазах светилась уверенность и какое-то умиротворённое счастье.

С третьей фотографии смотрел на меня мужчина, возраст которого я сразу определить не мог. Что-то в его глазах было странным. Они смотрели на меня в упор, но были тусклые, холодные и невыразительные. В них отсутствовала мысль.

Я взял одну вырезку из газеты и начал читать. В ней рассказывалось об исчезнувшей девочке, о её поисках. Следующая заметка была с фотографией какого-то заброшенного строения в лесу. У полуразвалившегося дома стояла полицейская машина, несколько полицейских что-то измеряли и под стеной, у висевшей на петлях двери, стоял гроб. На третьей газетной вырезке снова была фотография, на которой два полицейских вели под руку мужчину, на голову которого была накинута то ли куртка, то ли шаль. В тексте сообщалось, что мужчину арестовали по подозрению в изнасиловании и убийстве одиннадцатилетней девочки. В ещё одной вырезке сообщалось о том, что господин Х. признан психически больным, и поэтому его осудили только на пять лет с отбыванием наказания в закрытой психиатрической больнице.

Я отодвинул от себя папку и вопросительно посмотрел на мужчину.

– И что всё это значит?

– Погибшая девочка – моя дочь.

– Я это понял. Мои искренние соболезнования.

Он поморщился, как от зубной боли. Я ждал. Макс протянул руку к папке и вытащил из бумаг фотографию мужчины с тусклыми и холодными глазами.

– Он уже полгода, как на свободе. Снова живёт в нашем городе. Свободно ходит по городу. Я наблюдал за ним несколько дней. У него много знакомых. Среди них молодые девушки. Я видел, как он сидел с двумя девушками в кафе и смеялся. По его виду нельзя сказать, что он психически больной, что он отбыл пять лет в психбольнице. Так выглядят после курорта или отпуска на Мальорке.

Я терпеливо слушал.

– Такие люди не должны жить.

Наступила пауза. Каждый ждал продолжения разговора, но боялся начать первым. Он пристально смотрел на меня.

– Найдите мне человека, кто убьёт его. Я хорошо заплачу.

Макс перевёл глаза с меня на фотографию девочки. От его пристального взгляда и от его слов по моей спине пробежали мурашки, холодный пот начал выступать между лопаток. Это происходит со мной всегда, когда я волнуюсь или когда мне страшно.

– Такие заказы я не принимаю, – как можно спокойнее сказал я.

Мужчина вытащил из портфеля и положил передо мной листок в прозрачной обложке, через которую можно было прочесть мою фамилию. Я вытащил лист из обложки и пробежал его глазами. Он был, в основном, заполнен цифрами. Это был анализ моих финансов. Ничего хорошего и ничего нового я не увидел. Кредит на основании собственного дела с задолженностью по выплате процентов. Кредит за машину. За неё надо платить ещё три года. Знал бы, что так сложатся дела, не покупал бы новый «Мерседес». Мой счёт с отрицательным балансом. Что на моём счету уже предельный минус, я знал. Только я не знал, как из этой ямы выбраться.

– Откуда у вас эти данные? – спросил я.

– Я работаю в банке и имею доступ к секретным документам и к закрытой информации.

– Вы нарушаете закон, используя закрытую информацию в своих личных интересах.

– Можете на меня пожаловаться. Но это ничего не изменит. Ваше финансовое положение от этого не улучшится.

Он замолчал, взял фотографию своей дочери со стола и, глядя на неё, снова заговорил:

– Она была хорошая девочка. Наша единственная дочь. Моя жена долго не могла родить. Можете себе представить, какая радость для нас была, когда она появилась на свет. Этот её задушил простым чулком. Использовал, задушил и выбросил, как ненужную вещь.

У него тряслись руки, когда он говорил, и вместе с ними мелко дрожала фотография в его пальцах.

– Жена после этого в себя уже не пришла. Живёт только на таблетках. Я тоже постепенно схожу с ума. Я просыпаюсь каждую ночь и думаю о нашей девочке. Мне кажется, что это меня изнасиловали и убили пять лет назад. Каждую ночь этот маньяк насилует меня и убивает. Я боюсь, что когда-нибудь он меня окончательно убьёт. Но больше всего я боюсь, что я умру, а он будет также ходить по земле, будет дышать воздухом, смеяться, заигрывать с женщинами, может быть, между прочим, снова изнасилует и убьёт кого-нибудь. С тех пор, как он на свободе, я совсем ночами не сплю. Я уверен, если он не будет жить, жена и я снова начнём жить нормально.

– Как вы себе это представляете? У меня же не контора по найму убийц. Не думаете же вы, что я способен на убийство? – испуганно спросил я его.

– Нет, нет, что вы. Этого и в мыслях не было. Мне нужно только, чтобы вы нашли мне такого человека.

– Мне кажется, что вы серьёзно ошиблись. Я не тот человек, кто может вам в этом помочь. И вообще, весь этот разговор мне неприятен.

Он вытащил из нагрудного кармана пачку денег и положил их передо мной.

– Здесь десять тысяч. Вы можете свой минус перекрыть, погасить задолженность за цинзы, и на хозяйство ещё останется. Это маленький аванс. Если вы выполните мой заказ, я помогу вам рассчитаться за «Мерседес» и за кредит, и хватит ещё на пару лет безмятежной жизни. Я получил хорошее наследство от моей бабушки. Денег у меня достаточно. Подумайте. Я вам доверяю. Эти десять тысяч останутся у вас. В следующий понедельник я снова приду к вам.

Пачка денег, лежавшая на столе, магически притягивала мой взгляд. Я смотрел на деньги, как загипнотизированный. Да, эти деньги могли бы на время избавить меня и мою семью от многих проблем. Они соблазняли меня, рука была уже готова потянуться за ними, но я заставил себя отвести от них взгляд.

– Такие заказы я никогда не получал. У меня нет опыта. Поищите, может быть, найдёте кого-нибудь, кто возьмётся выполнить ваш заказ.

Он сидел на стуле напротив меня и продолжал смотреть на фотографию дочери. Мне казалось, что он меня не слышит. Но мне было всё равно, слышит он меня или нет. Я хотел быстрее избавиться от него. Внутри, в глубине моего сознания рос страх, что я не выдержу и из-за денег пойду на всё.

– Вы думали о моральной стороне вашего заказа? – Чёрт! Ведь это я сказал не ему, а себе.

Макс положил фотографию к остальным бумагам, откинулся на спинку стула и скептически улыбнулся.

– Что касается морали, для меня давно всё ясно. На эту тему я даже дискутировать не хочу. Мораль для меня умерла в тот день, когда не стало моей дочери. И добавлю ещё: я не циник, я реально смотрю на вещи. Вы, наверное, думаете, что мораль универсальна. Тогда скажите мне, если она универсальна, почему в Америке государство считает законным приговаривать таких преступников к смертной казни, а у нас, в Европе, это незаконно? Чья мораль правильная – американская или европейская?

Я не ответил ему и в свою очередь спросил:

– Если вы его без суда и следствия приговорили к смерти, почему сами не убьёте?

– Я его голыми руками придушил бы... – Он с такой силой сжал рукой угол стола, что костяшки его пальцев побелели. – Не могу я. Жена останется одна. Умрёт она без меня.

Макс вытащил ещё одну сотенную купюру, положил на стол и подвинул её ко мне.

– Возьмите эти деньги и сходите в кафе. Обдумайте всё. Вы ничего не теряете, а выиграть можете много. А эти десять тысяч положите в сейф. Если мы не договоримся, вернёте мне их. Но я надеюсь на вас.

Он встал, собрал бумаги и фотографии в папку и спрятал в портфель.

– Досвидания. Я приду к вам в следующий понедельник, – проговорил он, протягивая мне свою руку.

Я остался сидеть за столом. Как только мужчина вышел, я стремглав бросился к окну. На улице он остановил такси и сел в него. Номер 518. Бросив деньги в сейф, я выскочил на улицу, сел в свой «Мерседес», включил мотор и, не обращая внимания на сигналы машин, втиснулся в уличный поток. Такси с номером 518 стояло у третьего светофора на левой полосе, которая вела к вокзалу. На вокзале мужчина пристроился к короткой очереди у билетного автомата. Из-за искусственной пальмы, стоявшей у газетного киоска, видно было, как он бросил несколько монет в автомат и нажал кнопку с названием городка, который находился в двадцати километрах.

С вокзала я поехал в центр города. Когда припарковался, зазвонил мобильный телефон.

– Когда приедешь домой, Эдик? – спросила жена.

Её голос звучал озабоченно.

– Я хотел в кафе зайти. Мне надо кое-что обдумать.

– Приезжай, пожалуйста.

Она положила трубку. Я раздумал идти в кафе и поехал домой.

Жена встретила со слезами на глазах.

– Я хотела деньги на продукты снять, а у нас минус больше положенного. Автомат мне денег не выдал. Не могла даже хлеб купить.

Она заплакала. Я обнял её.

– Успокойся. У меня есть сто евро. Возьми их.

Дочка сидела в зале и смотрела по телевизору мультфильмы.

– Папа, папа, Эрике Мюллер новый велосипед купили. Она дала мне покататься.

Я погладил её по голове и спросил:

– Как дела в школе.

Она мне что-то отвечала, но я её не слушал. Мои мысли были там, в моём бюро, где в сейфе лежали деньги, которые могли бы хотя на время избавить мою семью от мучительного сознания своей нищеты.

Эту ночь я почти не спал. В голове бешенно крутились мысли, то уводя меня в мир мечты и беспечности, где не надо было думать о деньгах, где всё просто и ясно, где все вокруг счастливые и весёлые, то загоняя в тупик, где холодно и угрожающе смотрели на меня пустые глаза, где слышен был плач и угрюмо уходил в ночь ссутулившийся старик. Жена рядом тоже не спала. Слышно было, как она то и дело переворачивалась с боку на бок, тяжело и протяжно вздыхала.

Под утро я провалился в сон. Мне снился рассвет в горах. Я лежал за камнями и целился в восходящее солнце, которое было большим и красным. Оно заняло весь оптический прицел винтовки и от этого резало в глазах. Сухо прогремел выстрел, и на моих пальцах выступила кровь. Она струилась по ложу винтовки, залила стекло прицела и с дробным стуком падала на камни.

От страха я проснулся. На улице было светло. Жены рядом не было. Через открытую дверь в глаза бил из коридора свет от яркой лампочки и на улице в жестяной карниз стучали капли дождя.

После завтрака я поехал в тот город, где, по моим расчетам, должен жить и, наверное, работает мой вчерашний клиент. Припарковав машину в глухом переулке недалеко от цен-

тра, я пошел к центральной сберкассе. У длинной стойки, где несколько миловидных девушек обслуживали клиентов, я спросил одну из них:

– Могу я поговорить с господином Максом?

– У нас нет работника с таким именем, – ответила она мне.

Через дорогу в немецком банке было не таклюдно. В зале на стене висели фотографии работников банка. Макса среди них я не нашёл.

В народном банке женщина с серыми волосами на мой вопрос спросила:

– Вы имеете в виду господина Обермайера. Он уехал. Жене стало плохо.

– Можете вы мне сказать, где он живёт?

Женщина удивлённо посмотрела на меня.

– Извините. Такую информацию мы не даём. Господин Обермайер будет после обеда здесь. Я могу вам организовать встречу с ним. Вы хотите оформить кредит, или у вас другой вопрос к нему? Как ваша фамилия?

– Нет. После обеда мне некогда. Зайду в следующий раз, – сказал я, не отвечая на её вопрос, и вышел.

Я вернулся к своей машине. Была только половина одиннадцатого и поэтому я решил выехать из города и где-нибудь отдохнуть. В двух километрах от города въехал по грунтовой дороге в маленькую рощу и заглушил мотор. Здесь было тихо. Дождь прекратился, и птицы пели на разные голоса, радуясь теплу и пробившемуся сквозь тучи солнцу. Пахло хвоей и прелыми листьями. От тишины и свежего воздуха меня стало клонить в сон. Я включил радио на малую громкость, улёгся на заднее сиденье и заснул.

Проснулся через два с лишним часа. Диктор по радио как раз начал передавать местные новости. В городе я снова припарковал машину в том же переулке. Напротив Народного банка находилось кафе. Оно было почти пустым. Я занял место у окна, так, чтобы видеть вход в банк, и заказал себе кусочек пирожного с кофе.

Макс появился в половине третьего. Он приехал на «Фольксвагене» и припарковал его недалеко от входа в банк. Заказав ещё одну чашку кофе, я подождал с полчаса и рассчитался с кельнером. На своей машине я выехал из переулка, нашёл свободное место у бордюра метрах в пятидесяти от банка и стал ждать. В четыре часа Макс снова вышел из банка, сел в машину и поехал в сторону клиники. Он остановился напротив входа в клинику и, не закрыв машину, вошёл в нее. Через две минуты он вышел, толкая перед собой инвалидную коляску, в которой сидела седая женщина. Она выглядела усталой. На бледном лице застыло выражение безразличия. Тонкие прозрачные руки лежали ладонями вниз на коленях. Что-то напоминало в ней ту красивую и жизнерадостную женщину на фотографии, но что именно, было трудно понять. У машины Макс взял жену на руки и пересадил её на переднее сиденье. Коляску он собрал и уложил в багажник. Я не поехал за ними, а вошел в клинику и подошёл к окошечку портье.

– Где мне найти доктора Венделя? – фамилию доктора я прочитал на щите, где была информация об отделениях клиники и врачах.

– Доктор Вендель сейчас на операции.

– Похоже, жена господина Обермайера снова заболела? – проговорил я.

– Несчастная женщина. Мало того, что она перенесла два инфаркта и паралич, теперь ещё и печень начинает отказывать. Сегодня ей опять делали переливание крови, – портье замолк, почувствовав, что сказал лишнее. – Вы знакомы с господином Обермайером?

– Нет. Просто наслышан о нём и о его несчастьях.

– Да, этой семье пришлось много вынести.

Портье углубился в чтение какого-то документа. Я вышел из клиники и поехал назад, в свой город. Решение во мне начало созревать давно, уже с того момента, когда я увидел у себя на столе пачку денег. Теперь же я созрел окончательно. Мне не то, что было жалко этих двух людей, мне, действительно, было обидно за их загубленную жизнь без будущего.

И в отношении морали я был с сегодняшнего дня на американской стороне. Я был убеждён, что тот, кто насилует и убивает, не имеет права на жизнь. Конечно, у меня было полно аргументов против этого убеждения, но деньги не оставили им никакого шанса.

В своём бюро я в первую очередь вытащил деньги из сейфа и пересчитал их. Было ровно десять тысяч. Пересчитывал я их не потому, что не доверял Макс, а потому, что было приятно их считать. Я никогда не был особенно жаден до денег, но в последнее время я совсем по-другому стал смотреть на них. Я понял, что деньги не делают человека счастливым, но отсутствие их делает его несчастным.

Положив пачку денег в нагрудный карман, я пешком прошёл в центр города. В сберкассе я отдал почти полторы тысячи. Это была моя задолженность по цинзам за последние три месяца. Три тысячи я положил на свой счёт, закрыв, таким образом, мой минус. Вернувшись к своей машине, я поехал на заправку и заправил полный бак бензина.

Моя машина давно не получала полную заправку. Кредит на неё я брал в Ситибанке. Здесь я отдал ещё восемьсот евро – цинзы за два месяца. В автохаузе «Мерседес» я договорился с шефом, что он примет назад мою машину. Я проигрывал при этом почти три тысячи, но дальше рисковать с кредитами не хотел. У нас была ещё одна машина, подержанный «Гольф», на котором ездила жена. Пока нам хватит одной машины. «Мерседесом» я мог пользоваться ещё до первого мая.

Дома, из оставшихся пяти с половиной тысяч евро, я отдал жене две тысячи, оставив себе три с половиной. Для меня было уже ясно, где я буду искать исполнителя заказа моего клиента. Он должен быть не отсюда, не из Германии. Единственное место, где я хорошо ориентировался и где я мог найти такого специалиста, был юг Казахстана. Туда я намерен был поехать. По моим расчётам, трёх с половиной тысяч евро должно для начала хватить.

Макс приехал снова на такси. Я видел, как он рассчитался с таксистом, бросил беглый взгляд вправо и влево и вошел в подъезд дома, где находилось моё бюро. Он прошёл к столу, протянул мне руку и сел на стул. В глазах его застыли вопрос и надежда.

– Вы всё обдумали? Согласны найти киллера?

Отступать мне теперь было некуда. Да и не хотел я отступать.

– Да.

Он облегчённо откинулся на спинку стула.

– Какие ваши условия?

– Я пока ещё не знаю, сколько это будет стоить. Вы понимаете, что я не могу с вами оформить договор. Для гарантии вы дадите мне наличными тридцать тысяч. После выполнения договора, вы мне выплатите ещё двадцать тысяч. Возможно, всё это будет стоить больше.

– Я согласен.

Над названной мной суммой он не задумывался ни на минуту. Мне кажется, если бы я назвал ещё большую цифру, он и в этом случае согласился бы.

– Вы мне дадите адрес человека, которого нужно будет убить, и его фотографию. Деньги привезёте, скажем, в конце этой недели после шести часов вечера.

Он вытащил из своего портфеля знакомую мне фотографию мужчины с холодными глазами и написал на бумажке его адрес.

– Для выполнения вашего заказа мне нужно примерно полтора-два месяца. Где я смогу найти вас в случае, если возникнут какие-нибудь вопросы?

Макс замешкался.

– Я вам дам мой домашний номер телефона. Если что-нибудь нужно срочно решить, звоните, представьтесь «Отто», и скажите, что позвоните попозже. Я буду знать и на следующий вечер приеду сюда.

Во время всего разговора никто из нас ни разу не назвал слова «убийство». Мы избегали его, мы боялись его, мы не хотели себя замарать этим словом. И имя нашей жертвы мы тоже

не называли. Мы говорили о нём, как о неодушевлённом предмете. Наверное, это успокаивало нашу совесть. Как бы мы не хитрили, но то, что мы намерены были сделать, должно было стать самым заурядным убийством.

Макс уехал. Я направился в ближайшее бюро путешествий в центре города, заказал себе билеты в город Бишкек и оставил свой загранпаспорт для виз. До вылета оставалось ещё почти две недели.

На следующий день я взял свой дорогой фотоаппарат «Кодак» с ночным объективом и поехал в соседний город. Улицу и трёхэтажный дом, где жил мужчина с пустым взглядом, нашёл быстро. Фамилия «Косински» была написана от руки на белой бумажке, косо приклеенной к самой верхней кнопке. Я поднял крышку почтового ящика. В нём лежала только одна рекламка. Похоже, хозяин был дома. Свою машину я поставил так, чтобы видеть подъезд дома, приготовил фотоаппарат, сделал два снимка дома и стал терпеливо ждать. Время тянулось медленно и мне хотелось спать. Хмурое небо пролилось крупным дождём. Капли дробно били по крыше машины. Вскоре дождь перестал, и сквозь рваные просветы облаков начали стрелять лучи солнца. Снова запели птицы. От частных домов, где в палисадниках цвели деревья и цветы, ветерок доносил аромат духов. По радио передавали песни старых лет, и каждые полчаса в новостях не сообщалось ничего нового. Трёхэтажный дом был скучен и молчалив. Только однажды из окна на втором этаже вдруг послышалась громкая музыка и тут же оборвалась. Утром из дома вышли два школьника, а часов в десять из подъезда выскочила неопрятно одетая женщина, чуть ли не бегом исчезла в переулке и через двадцать минут вернулась с пакетом из булочной.

Он вышел из дома около двенадцати. Я узнал его сразу. Он был выше ростом, чем я ожидал, но выражение лица и пустые глаза были такими же, как на фотографии. В руках он держал рекламку из почтового ящика. На тротуаре он на мгновение остановился, словно раздумывая, куда идти. За это время я успел снять его два раза в полный рост. Косински пошёл в сторону центра. Я вышел из машины, негромко прихлопнул дверь, замкнул её и пошёл за ним по другой стороне улицы. Он зашёл в кафе, где выпил чашечку кофе и съел омлет. Примерно через полтора часа он вернулся домой и не выходил до самого вечера.

Вечер его был занят посещением ночных кафе. В двух кафе он заказывал себе пиво и разговаривал о чём-то с мужчинами. В третьем кафе к нему подседа средних лет женщина. Они вместе выпили пива и водки. С количеством выпитого менялось настроение мужчины. В пустых глазах заискрилась жизнь, он оживлённо говорил, и женщина смеялась после каждой его фразы. В одиннадцать часов они вышли из кафе и шли долго по слабо освещённой улице почти до окраины города. Здесь они прошли в игротеку. Мужчина больше часа играл в бильярд, а женщина сидела у стойки бара и пила одну кружку пива за другой. Около часа ночи он закончил последнюю партию, рассчитался с барменом за выпитое и вместе с женщиной, короткой дорогой, пошёл пешком к своему дому. На этот отрезок им понадобился почти час. Они не торопились, часто останавливались и сливались вместе – видимо, в поцелуе. Он галантно придержал дверь, пропуская её в подъезд, и через пару минут на третьем этаже зажёгся свет.

Я приезжал к его дому ещё три раза. Порядок дня его был всегда один и тот же. Однажды днём он дольше задержался в кафе, где разговаривал с двумя совсем молоденькими девочками. Он сказал им что-то такое, отчего девчата быстро встали из-за стола и вышли из кафе. Одна из них вытирала слёзы и повторяла: «Подлец, подлец!». На третью ночь он поменял партнёршу, с которой встретился во втором кафе. Но маршрут его остался неизменно прежним. Он снова до часа ночи играл в бильярд и с новой партнёршей пешком вернулся домой. Я отснял две полных кассеты и, когда проявил их, на плёнках был запечатлён каждый шаг Косинского. Он был снят в полный рост и в полроста, мрачным и смеющимся, трезвым и пьяным, грубым и добродушным. Кафе, их вывески и улицы, по которым проходил мужчина, тоже были на фото-

графиях. На карте города я жирным фломастером начертил привычный маршрут Косинского и отметил примерное время прихода и ухода с того или иного пункта.

Признаюсь, я всё ещё не знал, где и как буду искать исполнителя заказа моего клиента. Не мог же я, приехав в Казахстан, сразу у всех своих знакомых начать спрашивать, кого бы они мне рекомендовали в убийцы. Мне нужен был один единственный отправной пункт, откуда я мог бы начать свой поиск. Его у меня не было. И это тревожило меня больше всего.

В Казахстане моя жена училась в Технологическом техникуме. У неё есть подруга, с которой она училась и потом работала долгое время на одном предприятии, пока не вышла замуж за меня. С мужем подруги я не очень был близок. Ещё там, в Казахстане, они несколько раз приезжали к нам в гости. И мы однажды были у них в гостях. Он мне не нравился сам по себе. Вечно в делах, постоянные разговоры о каких-то аферах и сделках. Он работал снабженцем, и деньги у него водились. Они переехали в Германию сразу, как открыли границу. Георг, или как его друзья и близкие называли, Гоша несколько лет гонял машины в Союз, купил себе два грузовика и теперь возил товар и посылки в Россию и в Казахстан. За рулём он сам теперь не сидел. На него работали шофера. Он занимался ещё страховками и держал небольшой магазин, где за прилавком сидела его жена Соня. Когда мы ещё только переехали в Германию, они приезжали к нам в пересыльный лагерь. Навезли кучу продуктов, сладостей и мелочей на первый случай. С тех пор мы не виделись. По телефону перезваниваемся часто, но в гости друг к другу не ездим. Они давно звали нас к себе, но всегда что-то мешало собраться и поехать к ним. Теперь же я попросил жену позвонить и сказать, что мы приедем к ним в гости. С одной стороны, я хотел сделать перед своим отъездом в Казахстан приятное жене, которая уже давно просила меня свозить её к подруге в гости, с другой стороны, я знал, что Гоша имеет большие связи здесь, в Германии, и там, в Казахстане. Может быть, он мне назовёт какое-нибудь имя, с которого я могу начать свой поиск.

Гоша и Соня встретили нас у порога своего нового, недавно построенного, дома. Выглядели они оба хорошо. Это и понятно. Когда у человека мало проблем, когда всё идет так, как запланировано, тогда не мучают ночные кошмары, тогда в семье всё ладно и настроение прекрасное. Совсем по-другому было у нас. Наверное, на наших лицах можно было прочесть, что мы озабочены отсутствием денег, что у нас куча проблем и что из-за этого напряженная ситуация в семье.

Гоша был в своём репертуаре. Он в открытую хвастался своим домом. Мебель из самого дорогого мебельного магазина, зимняя веранда, полная замысловатых растений, дорогой новый «Мерседес» в гараже. Поздно вечером, когда я и он были уже в хорошем подпитии, мы вышли с ним на зимнюю веранду и присели под незнакомой мне пальмой на плетёные кресла. Он закурил толстую дорогую сигару и с удовольствием затянулся. Дым от неё, смешанный с водочным перегаром, был не очень приятен и вызывал легкую тошноту. Но, скорее всего, тошно было от избытка выпитой водки. Я начал издали:

– Как ты думаешь, Гоша, кто там, на юге Казахстана, держит теневой бизнес в руках? Раньше был Зият, но его, насколько мне известно, года три, как убили.

Гоша выпустил густой дым через нос и, с сознанием своего превосходства в таких вопросах, ответил:

– Кто его убил, тот и держит там сейчас верхушку. Помнишь Мишу Мануйлова? Он был прорабом в тресте, где ты юристом работал. Вот он и держит там всё в своих руках.

Мишу я знал хорошо. Это был интеллигентный мужчина с властным характером. У него были большие связи, и с ним считались все шишки, как в районе, так и в городе. Я не думал, что он способен на убийство и в то, что он убил Зията, мало верил.

– А чем сейчас занимается Баградзе Рено?

Баградзе с французским именем Рено был раньше директором крупного завода в городе.

– Он тоже сейчас крутой. У него два магазина в городе. Я возил ему несколько раз товар отсюда, из Германии. Недавно, новую машину ему перегнал. По-моему, он занимается нелегальным производством водки. Может быть, слухи, кто его знает.

– А кто мог Зията убить? Я не могу поверить, что сам Мануйлов его убивал.

Гоша весело рассмеялся.

– Ну конечно, он сам не убивал. Для этого есть специальные люди.

– Знаешь ты кого-нибудь из них?

Гоша удивлённо посмотрел на меня.

– Почему ты об этом спрашиваешь?

Я налил по пятьдесят грамм ему и себе в рюмки. Мы выпили.

– Да так, простое любопытство.

Он не стал больше спрашивать, и я тоже перестал приставать к нему с вопросами. Мы ещё посидели под искусственной пальмой, выпили по рюмочке водки и, когда женщины нас позвали, разошлись спать.

Утром, перед отъездом, когда дочка и жена уже сидели в машине, Гоша отозвал меня в сторону и сказал:

– Найди в городе Губата. Он знает все подробности о смерти Зията.

По-моему, Гоша о чём-то догадывался, но не решался об этом говорить. Я сделал вид, как будто для меня его информация не столь важна.

– Мне это не так важно. Ну, давай, Гоша, прощаться. Вернусь из Казахстана – позвоню. Приезжайте тогда в гости.

Я обнял Гошу и его жену, сел в машину и выехал со двора.

В аэропорт меня отвезла жена. Я быстро прошел все формальности, сдал чемодан в багаж и точно по расписанию вылетел на «Боинге» в сторону Средней Азии. Через несколько часов самолёт приземлился в киргизском столичном аэропорту «Манас». Уже на трапе, при выходе из самолета, я почувствовал, как обжигает меня горячий ветер. Яркое солнце било в лицо и с непривычки было невыносимым. В здании аэропорта было прохладней. Меня встречал Жора. Он был в милицейской форме с капитанскими погонами. Таможенники без досмотра пропустили меня через боковую дверь. Мы обнялись. На самом деле его звали Жандарбеком, но ещё в институте на первом курсе мы перекрестили его в Жору, и с тех пор для друзей и родственников он так и остался Жорой.

– Ну, ты меня удивил, старик – разглядывая меня, сказал Жора. – Так неожиданно собрался ко мне в гости. Почему же без Лиды?

– Лиду на работе не отпустили. Ещё отпуск не заработала. А у меня время свободное появилось – вот и решил навестить своих старых друзей.

– Молодец. Надолго?

– Недели на две. Понравится, дольше останусь, если не прогоните.

– Отдыхай. Моя Алия сейчас не работает, а я возьму отпуск до конца недели. Съездим куда-нибудь. А со следующего понедельника сам управляйся. Мне дольше отпуск не дают. Работы много. Если захочешь куда поехать, можешь располагать моей машиной.

Мы вышли из аэропорта и прошли к его машине. Это была старенькая «Жигули». После шикарных европейских марок, она выглядела убого и старомодно. И внутри всё было просто и дёшево.

– Я думал, что ты уже себе новую машину купил, а ты всё ещё едешь на своем «жигулёнке», – сказал я.

– Хочу, конечно, купить себе другую машину, но только соберу немного денег, как снова инфляция, цены вырастают, и моих денег не хватает.

– Ты же в милиции работаешь!? Милиционеры всегда жили хорошо.

– Не издевайся, Эдик. Ты отлично знаешь, кто сейчас хорошо живёт, а кто плохо. Я простой инспектор уголовного розыска. Особо не разживёшься.

Я не стал дальше об этом говорить. Эта тема довольно скользкая и лучше её не продолжать. Жора сосредоточился на езде, а я отвернулся к боковому стеклу и стал разглядывать проплывающий мимо ландшафт. Сразу за аэропортом начинался посёлок. Раньше он был ухожен, а теперь центральная улица пестрела глубокими выбоинами. Местами асфальт совсем исчез, и за машиной поднималась и, из-за отсутствия ветра, долго стояла пыль. Начало мая и трава вдоль обочины была ещё зелёной, но на буграх уже выгорела и уныло торчала из серой земли. Там, где когда-то были плантации свеклы, обильно росли курай и камыш. Иногда этот унылый ландшафт освежали зелёные квадратики люцерны и пшеницы. В одном месте дорогу долго переходили бараны. Один старый рогатый баран, обросший шерстью чуть ли не до земли, остановился напротив «Жигулей» и с любопытством разглядывал нас, сидящих в кабине. Через открытое окно влетела поднятая отарой пыль, смешанная с запахом шерсти и овечьего кизяка. За мостом через реку пошла более-менее хорошая дорога. «Жигули» разогнались, свежий воздух выгнал из машины остатки овечьего запаха и под сквознячком стала просыхать взмокшая от пота рубаха.

В дороге мы говорили друг с другом мало. Жора сосредоточился на езде, а я наслаждался окружающей природой. Особой красоты не было, но это были места моего детства. Места, где я родился, вырос, где бегал босиком по жёсткой, выгоревшей от солнца луговой траве, где встретил свою первую любовь, с которой сидел ночами на холмике над рекой и любовался отражением в ней луны и яркими звёздами в небе, где узнал радость первого поцелуя, надежду и первые разочарования. Для меня природа была красивой и родной, и от этого чувства близости к ней входили в душу умиротворение и успокоение. На какое-то время ушли проблемы, забылось, зачем я приехал сюда. Опускавшееся на запад солнце стало красным, и от этого ещё желтее стала трава на склонах. Вода в реке, вдоль которой мы ехали, стала тёмно-синей, прошлогодний камыш качался на ветру, сгоняя со своих мохнатых верхушек нахальных стрекоз, острыми пиками рвался вверх к солнцу молодой камыш, тополя стояли шеренгой вдоль дороги, приветствуя проезжающих. Далеко на лугу торопилось домой стадо домашней скотины, и пыль, поднятая им, долго стояла в воздухе в лучах заходящего солнца. Простор и тишина. Насытившееся зеленью Европы, отсыревшее от бесконечных дождей, уставшее от городского шума сознание свернулось во мне, как кошка на коленях своей ласковой хозяйки, и, мурлыча от удовольствия, впитывало в себя этот покой и тишину.

Жора, как будто почувствовав моё состояние, задумчиво смотрел на дорогу. С ним я познакомился, когда сдавал экзамены на юридический факультет. Все пять лет учёбы мы прожили вместе в одной комнате в общежитии университета. Вместе проходили практику в Министерстве внутренних дел, и после окончания университета нас двоих направили работать в районную милицию. Я попал в свой район, а Жора оказался за триста километров от своих родных. На первых порах он жил у моих родителей, где мы снова делили с ним одну комнату, пока он не получил от горсовета место в общежитии. После двух лет работы в милиции я понял, что это не для меня, уволился и перешёл работать юристом в организованный недавно в районе строительный трест. А Жора в милиции нашёл своё место. Он сделал карьеру. Теперь он был начальником уголовного розыска городского отдела милиции. По его словам, через пару месяцев его ожидало повышение в звании, и он должен был перейти работать в областное управление. Время его почти не изменило. На мужественном лице сурово светились тёмные глаза, под толстым мясистым носом торчали чёрные усы, на голове местами уже пробивалась седина, крепкие натренированные руки уверенно сжимали руль. Он был всегда уверен в себе и если что-нибудь задумывал, то доводил до конца.

Когда мы въехали в город, на улицах кое где зажглись редкие фонари. Пару минут ехали по хорошей дороге, а потом свернули в переулок и по грунтовой, не освещённой дороге, подъехали к району новых, только что построенных домов.

– Ты и не обмолвился, что новый дом построил, – сказал я, выходя из машины.

– Я уже забыл, что он новый. Больше года, как переехал сюда.

Он вытащил из багажника мой чемодан, и мы поднялись на крыльцо. В коридоре нас уже ждала жена Жоры, красавица Алия. Мы обнялись. Она была, действительно, по-настоящему красивой. Наполовину узбечка, наполовину казашка, была она высокой и стройной. Толстая коса лежала скрученная на голове. На лице светились огромные чёрные глаза. Я был свидетелем на регистрации их брака. Вместе с ними я радовался рождению их первого и второго ребёнка. Теперь дети были уже большими. Они стояли рядом с матерью и радостно улыбались мне.

– Какие джигиты выросли, – сказал я.

– Газиз третий класс заканчивает, а Болат – первый, – гордо проговорила Алия.

Бывшая учительница, она после рождения первого ребёнка больше не работала и посвятила себя воспитанию детей.

В кухне варилось что-то вкусное. Запах еды напомнил о голоде. Мы прошли в зал. Здесь стояла новая мебель из красного дерева, мягкий гарнитур и длинный стол. Зал был настолько длинным и широким, что вся эта мебель занимала только половину его площади. В другом конце зала на полу лежал большой толстый ковёр. На нём стоял маленький круглый столик, вокруг которого были беспорядочно разбросаны подушки. В одном углу стояли два деревянных, окованных железом, сундука, в другом горкой лежали сложенные атласные одеяла. На вешалке висели два богато разшитых халата и по стене развешаны старинная кривая сабля, камча с нарезной ручкой, конское седло и уздечка, украшенная чеканной медью.

Из зала я вернулся в коридор. Отсюда вела широкая лестница на второй этаж.

– Что там, на втором этаже?

– Спальни детей и наша. Там и тебе комнату приготовили.

Я поднялся по лестнице на второй этаж. Дом был построен добротно и со вкусом. Чувствовался западный стиль. Я оставил свой чемодан в моей комнате и снова спустился вниз. Один недостаток в этом новом доме я всё же обнаружил. На весь дом была всего одна ванная комната, совмещённая с туалетом, и она была на первом этаже возле входа в зал. Но для частных домов в этом городе и это уже был большой шаг вперёд. Как правило, в таких домах все (не) удобства находились в огороде.

Жора пригласил меня к столу. Здесь были расставлены тарелки, стояли бокалы и рюмки, горкой лежали пахучие баурсаки, и две бутылки потели в ожидании, когда их откроют. Алия уже несла бешбармак. Мы выпили за встречу. Давно не ел я свежую баранину и казы. Я уцепился за обе щёки без зазрения совести. Мне стесняться не надо было. В этой семье я был свой, и сейчас, выпивая из пиалы наваристую сорпу и слушая приятный голос прекрасной женщины, сидевшей у самовара, я чувствовал себя больше дома, чем там, в моей тесной квартире, на шумной улице цивилизованного европейского города. Наговорившись досыта, вспомнив всё, что было и чего не было, мы поздно ночью разошлись спать.

Утром я и Жора поехали на базар. Он одел свою милицейскую форму с капитанскими погонами.

– Почему ты не ходишь в свободное от службы время в гражданской одежде? – спросил я его.

– На базар лучше в милицейской форме идти, – засмеялся он, – можно всё намного дешевле купить.

Выйдя во двор, я ещё раз осмотрел дом снаружи. Он выглядел массивным и основательным. Обложенный силикатным кирпичом под расшивку, покрытый медными листами,

обрамлённый водосточными трубами, он подчеркивал свою солидность. Во дворе стоял гараж, покрытый также медными листами. Он был закрыт. «Жигули» стояло во дворе, и я удивленно посмотрел на Жору.

– Почему ты не ставишь машину в гараж?

– Гараж занят, – ответил Жора и не стал объяснять, чем занят гараж.

– Откуда у тебя деньги на всё это? Только вчера ты прибеднялся, как плохо живётся работнику милиции.

– У меня богатые родители. Они помогли.

Его родителей я знал. Они всю жизнь провели в степи, на отгонах, и по тем временам были, действительно, богаты.

На базаре, как всегда в воскресный день, было шумно и суетливо. Здесь многое изменилось. Базар разросся и занимал теперь в два раза больше площади, чем раньше. Мы договорились с Жорой встретиться у входа на базар через час и разошлись в разные стороны. Он пошёл к рядам с овощами, а я двинулся вдоль многочисленных маленьких киосков, в надежде увидеть кого-нибудь из знакомых, кто мог бы меня навести на Губата или Рено. В киосках можно было купить всё. Товары были, в основном, из-за границы. Конфеты разных наименований, тонкое нижнее бельё западных фирм, радиоаппаратура и телевизоры. Многое, что здесь увидел, я ещё не встречал в Германии. В продавце одного киоска я узнал бывшего слесаря завода, где директором был Рено Баградзе. Он меня тоже узнал.

– Вы же работали раньше на железобетонном заводе? – спросил его я.

– Да. А вы в тресте у нас работали?

Я утвердительно кивнул. Задав пару дежурных вопросов, я спросил:

– Вы не знаете, где можно найти Рено?

– Он бывает иногда на своём заводе. Там у него склады. Но лучше спросите в магазине.

Он показал пальцем в сторону большого нового здания в конце ряда. Я распрощался с ним и пошёл к магазину. В нём было прохладно и приятно пахло свежей колбасой и карамелью. За стеклом ровно гудящих холодильников лежала колбаса разных сортов, на стеллажах пестрели разноцветными фантиками карамель и шоколад, одну стену полностью занимали спиртные напитки. Молодая симпатичная девушка выкладывала из картонного ящика в холодильник какие-то продукты. У кассы мужчина кавказского типа обслуживал женщину в цветастом платье и с тяжёлой сумкой в руке. У рядов с водкой стояло двое мужчин и возле стеллажа с конфетами – женщина с ребёнком. Я подождал, пока рассчитается женщина с сумкой и спросил кассира:

– Не знаешь, где я могу сейчас найти Рено?

Продавец задумался на мгновение и ответил:

– Он ещё вчера уехал в Алма-Ату. Приедет в среду или в четверг.

– А Губата ты знаешь?

Кассир удивленно посмотрел на меня и отвёл глаза.

– Нет. Не знаю.

Сзади меня у кассы уже стояли женщина с ребёнком и мужчина с двумя бутылками водки в руках. Я понял, что здесь мне больше ничего не добиться, и вышел из магазина.

На улице становилось жарко. Солнце стояло уже высоко, и его лучи, пробиваясь сквозь плотный материал рубахи, обжигали кожу. В горячем воздухе стояли запахи мант, шашлыка и нафталина. Хотелось пить, и я пошёл к киоску, где продавали газированную воду. Этот киоск стоял на своём месте вечно. Менялись времена и правители. За социализмом наступил развитый социализм, за ним пришла перестройка. Социализм умер и ему на смену пришёл капитализм, но киоск с газированной водой всё время стоял на этом месте, и возле него постоянно толпилась очередь измученных жаждой людей. И продавец, старый еврей, был тот же самый, что и пять, десять или двадцать лет назад. Он стал старше, волосы на голове побелели, но руки

его по-прежнему умело ставили кружку под струю газированной воды, ловко подставляли её покупателю, движением фокусника выхватывали деньги у него из рук и, не глядя, на ощупь, отсчитывали сдачу. Наверное, если этот еврей когда-нибудь умрёт, исчезнет киоск и уйдёт в небытие ещё что-то родное и привычное.

Я с удовольствием выпил газированной воды с малиновым сиропом, вернул кружку и пошёл к рядам, где спекулянты продавали новые и подержанные вещи. Никого из знакомых здесь я не увидел. Нужно было уже идти к месту встречи с Жорой. Он стоял у ворот и разговаривал с каким-то мужчиной. В руках он держал наполненную овощами сумку. Мы прошли к его машине и вернулись домой.

После сытного обеда, Жора отвёз меня и своих сыновей на реку, а сам уехал на работу, куда его срочно вызвали. Боясь с непривычки сгореть на солнце, я старался, выйдя из воды, спрятаться в тени единственного на берегу дерева. Но песок под ним был всё-равно горячим и его тепло приятно согревало остывшее в воде тело. Мальчикам же всё было нипочем. Загоревшие уже до черноты, они часами бультыхались на мелководе, строили на берегу из мокрого песка замысловатые строения, ловили стрекоз и, между делом, задавали мне массу вопросов о жизни в Германии.

– Мой папа тоже несколько раз был за границей, – горделиво заявил мне старший из них.

О том, что он был за границей, Жора мне не говорил.

– Где он был за границей? – спросил я.

– Не знаю. Один раз он приехал оттуда на новом «Мерседесе». Мне привёз фотоаппарат, а Болату электронный вездеход.

Я задумался. Жора ещё ни разу не обмолвился, что он бывал за границей. Надо бы у него об этом спросить.

Вечером, когда мы уже изрядно выпили, я спросил Жору:

– Газиз мне сказал, что ты несколько раз был за границей. Где ты был? Почему ты мне об этом ничего не сказал?

– Это были служебные командировки. Ничего особенного. Мелкие задания от Интерполо.

Странно, подумал я, какое отношение имеет инспектор уголовного розыска какого-то неизвестного городка в Средней Азии к европейской организации «Интерпол». Видно, на эту тему Жора не очень был расположен говорить и поэтому я не стал его больше спрашивать.

Два следующих дня я на машине Жоры навещал моих бывших знакомых. Не каждому я мог задать вопрос о Губате. Чем занимается Рено Баградзе и где его найти, тоже мало кто знал. Оставалась одна возможность – поехать к заводу и там, может быть, его встретить.

Завод выглядел заброшенным. Там, где раньше были ворота, остались только две бетонные колонны. Здание заводоуправления смотрело пустыми окнами на проезжую часть. Я остановился напротив въезда на территорию завода, так, чтобы мне видны были сам завод и вход в управление. Видневшаяся поодаль котельная завода выглядела тоже заброшенной. К ней тянулись заржавленные железнодорожные рельсы. Территория заросла кураем и перекасти полем. Я засомневался, что могу здесь встретить Рено, но всё же решил с час подождать. Яркое светившее солнце начало нагревать кабину «Жигулей», и я опустил боковое стекло. Стало легче дышать. Легкий ветерок, хоть и был горячим, но всё равно немного освежал вспотевшее тело.

Примерно через полчаса из дверей конторы вдруг вышел мужчина. Издалека его национальность нельзя было узнать. Мужчина был высоким и когда выходил из конторы, ему пришлось пригнуться. Он минут пять смотрел в мою сторону и опять исчез. «Значит, здесь всё-таки кто-то есть», – подумал я и вышел из машины. Послышался шум работающего мотора. На улицу въехал крытый тентом «Камаз». Он обдал меня вонью подгоревшего сцепления, запахом солярки и выхлопными газами. Из-за поднятой машиной пыли стало тяжело дышать. Я

закашлялся. «Камаз», не сбавляя скорость, влетел на территорию завода и по разбитой колее скрылся за цехами. Если мне память не изменяет, там были заводские склады.

Я сел в «Жигули» и проехал к заводским цехам. Припарковав машину в тени, я вошёл в цех. Здесь было прохладно, и из-за открытых ворот и разбитых окон гулял сквозняк. Толстый слой пыли покрывал пол, заржавленные стальные конструкции машин и вибраторные столы. Кое-где по пыли через цех цепочкой тянулись следы от чьих-то ботинок. Под стеклянным фонарём по центру цеха из конца в конец тянулась ровная горка птичьего помёта. И сейчас голуби и вороны сидели на крыше по краю фонаря и вели свои птичьи разговоры. На противоположной стороне цеха от ворот остался только стальной каркас, который криво висел на лопнувших навесах, угрожая в любую минуту упасть.

«Камаз» я нашёл у складов. От мотора ещё шло тепло. Из левого бензобака капала в пыль солярка. Ни одной живой души не было видно. Я открыл кабину «Камаза». Оттуда понесло запахом пива и вонючими носками. В одном месте тент на кузове машины не был прикреплён к борту. Я приподнял его. «Камаз» был битком загружен ящиками с водкой. Всё время, пока я крутился вокруг «Камаза», меня не покидало чувство, что за мной кто-то наблюдает.

– Эй! Есть здесь кто-нибудь?! – крикнул я.

В цехах эхо повторило мои слова. Никто не отозвался. Длинные склады тянулись вдоль всего заводского здания. Три железные двери были недавно покрашены, и на двух из них висели массивные замки. Напротив того места, где стоял «Камаз», дверь была слегка приоткрыта, и замок висел в проушине, поскрипывая на ветру. Я вошёл в открытую дверь. Здесь было темно. Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидел перед собой мужчину метра в два ростом. Он ударил меня чем-то, отчего у меня вдруг лопнуло в голове, заискрилось в глазах, и я провалился в беспамятство.

Как долго я был без памяти, не знаю. Очнулся от боли. Тонкий шнур, стягивающий сзади мои руки, врезался в кожу, голова тупо болела, и в правое плечо била колющая боль. Сырая, неоштукатуренная комната освещалась тусклой лампочкой. Окон не было, и только через чуть приоткрытую дверь пробивался дневной свет. Из дальнего от меня угла слышалась какая-то возня. Я с усилием повернулся в ту сторону. Боль в голове от этого стала ещё сильнее, и плечо пульсирующе заныло. В углу, стоя на одном колене, возился верзила. Он вытащил из кучи хлама старый, разорванный мешок и ещё какую-то тряпку.

– Послушайте, товарищ, отвяжите меня, – с усилием выговорил я.

Он встал с колена, подошёл ко мне, бросил на пол мешок и тряпку и ударил меня в левый висок. От удара я повалился на бок, как раз на то место, где лежали тряпки.

– Заткнись, мусор!

Он говорил с чеченским акцентом. Я теперь лежал на полу, на больном плече и от удара голова наполнялась гулом, уходило сознание, и подкатывала тошнота. Снизу верзила выглядел великаном. От его ног, обутых в стоптанные сандалии, несло вонью. Он ударил меня ногой в живот и, выключив свет, вышел. Дверь закрылась, щёлкнул замок и комната погрузилась в темноту. Как ни пытался, я не мог обнаружить даже маленький проблеск света вокруг меня. Я вращал широко открытыми глазами в разные стороны, но, кроме усиления боли в голове, это ни к чему не привело. В меня медленно вползал страх. То ли от страха, то ли от холодного пола, меня начало трясти. Непроизвольно потекли из глаз слёзы. Так я пролежал ещё неизвестно сколько. Связанные руки онемели, и я их уже не чувствовал.

Вдруг со стороны дверей послышался слабый шорох. Где-то хлопнула дверь. Тонкими ниточками заискрились лучики света. Дверь неожиданно открылась, и в её проеме вырисовались две фигуры. Один был поменьше ростом, а у второго голова чуть ли не упиралась в верхний косяк. Разглядеть я их не мог. Мешал свет за дверью. Смотреть в их сторону было больно. Я зажмурил глаза. Что-то сказать сил не было. Во рту у меня пересохло и, казалось, язык присох к нёбу.

– Ты кто такой? – спросил тот, что пониже.

Я собирался с силами, чтобы ответить, но верзила меня опередил:

– Да мусор он, шеф. Я его на базаре с Жорой видел. Что с ним чикаться. Давай, я его в мешок запыаю и в реку выкину. Пусть сдыхает.

Тот, который пониже ростом, подошел ко мне и наклонился.

– Эдик! – удивлённо вскрикнул он. – Ты что тут делаешь?!

Я узнал его голос. Это был Рено.

– Я тебя искал, – с трудом выдавил я из себя.

Глаза меня не слушались, устало закрывались, и я проваливался то ли в беспамятство, то ли в сон. Издалека доносился чей-то крик: «Дурак! Осёл!». Кто-то тормозил меня. Я чувствовал, что куда-то лечу и этот полёт был бесконечен и приятен.

Очнулся на диване в комнате, обклеенной светлыми обоями. Нагнетая в комнату прохладу, равномерно гудел кондиционер. Какая-то женщина сидела возле меня на корточках и массировала кисти моих рук. В них постепенно возвращалась циркуляция крови, и от этого пальцы слегка покалывало. Увидев, что я очнулся, женщина поднесла к моим губам стакан холодной воды. Я жадно и торопливо выпил воду.

– Ну, отошёл? – послышалось из дальнего угла.

Там в кресле у письменного стола сидел Рено и курил сигарету. Её голубоватый дым слоисто распределялся по комнате и, дойдя до меня, вызывал лёгкое щекотание в носу.

– Что ты тут потерял, Эдик? Жора знает, где меня найти. Я бы сам к тебе приехал.

– Ты знаешь Жору? – спросил я.

– Жора свой человек. Коньяк будешь?

Я кивнул. Мне стало лучше, головокружение и боль в голове ушли. Продолжало еще болеть плечо и по-прежнему покалывало в пальцах. Рено подал мне наполовину наполненный стакан с коньяком, себе плеснул на доньшко. Мы выпили и закусили ванильными пряниками, лежавшими горкой в тарелке на тумбочке возле дивана.

– Хорошо, что я приехал. Этот идиот прибил бы тебя без зазрения совести. Для него все, кто каким-то образом связан с милицией – кровные враги.

– Он твой телохранитель?

– Нет. Завскладом.

– У тебя здесь склады? А завод – что с ним?

– То, что выпускалось на заводе раньше, сейчас никому не нужно. Я его уже лет пять, как закрыл. Оборудование и всё, что можно было, снял и продал. Кое-что здесь ещё на складах лежит. Занимаюсь теперь торговлей. У меня здесь в городе два магазина и ресторан в Алма-Ате.

– Водку сам производишь?

– Нет. Раньше, года три назад, у меня был подпольный цех, а сейчас с братом построили в Бишкеке маленький заводик и делаем водку разных марок абсолютно законно.

Рено открыл холодильник, достал оттуда три красиво оформленные бутылки Посольской водки, сложил их в полиэтиленовый пакет и положил возле меня.

– Тебе с Жорой. Пейте. Хорошая водка. Зачем ты искал меня?

– Мне нужен Губат. Ты знаешь его?

– Знаю. Почему ты его ищешь?

– У меня к нему деловой разговор.

– Что у тебя может быть общего с этим мафиози?

Я засмеялся. От смеха снова запульсировало в затылке.

– Да, так. Есть одно дело.

Рено опять налил коньяк в стаканы. В комнату вошла женщина. Она несла поднос, на котором лежали нарезанная кружочками колбаса, хлеб, редиска и несколько хвостиков зелёного лука.

– Закусывай, – сказал Рено и выпил из своего стакана. – Я попытаюсь найти Губата.

Мы допили остатки коньяка и вышли на улицу.

– Ехать сможешь? – спросил Рено.

– Да.

Подошёл верзила. Он издевательски улыбался.

– Шеф, водку выгрузили. Отправить водителя отдыхать?

– Да. Пусть сегодня отдыхает.

Во мне зрела злость. Этот скот хотел меня убить. За что?! И ведь убил бы! Гад!

– Эй, идиот, иди сюда, – позвал я верзилу.

Его улыбка тут же сошла с лица.

– Чё те нада, мусор.

Рено сказал ему что-то по-азербайджански. Верзила повернулся ко мне спиной и стал уходить.

– Стой!

То ли от выпитого, то ли от накопившейся злости, но для драки я уже созрел. Я догнал его и с силой рванул за рубаху, отчего она неожиданно разошлась по шву. Он развернулся и хотел меня ударить, но я опередил его и, так, как меня учили на занятиях по каратэ, ударил его ногой в пах. Лицо его исказилось от боли, и он начал медленно опускаться на пыльную землю. От второго удара в лицо он повалился на бок. По-моему, он потерял сознание. Рено схватил меня сзади и оттащил от верзилы.

– Ты же убьёшь его. Ну и дурак же ты, Эдик! – он толкнул меня в сторону «Жигулей». – Езжай отсюда. Скажи Жоре, я приеду к нему сегодня вечером.

Верзила очнулся и пытался встать с земли. Его налитые кровью глаза зло смотрели на меня.

– Я тебя, мусор, зарежу или пристрелю, клянусь матерью, – выдавил он из себя.

– Смотри, как бы я тебя сам не прибил, козел, – прокричал я в ярости.

Водитель «Камаза» и Рено взяли чеченца под руки и повели в склад. Женщина у дверей склада одобительно улыбалась мне. Видимо, чеченец и ей был поперёк горла.

«Жигули» стояли теперь на солнце, внутри всё нагрелось, и воздух был горячим. Я открыл все окна, сел за руль, завёл мотор и выехал с территории завода. От жары внутри машины меня ещё сильнее развезло, и я почти ничего не соображал. Выпитое вместе с закуской подкатывало к горлу, вызывая тошноту. Надо бы остановиться, но я сейчас хотел только одного: добраться до дома Жандарбека, облиться под душем холодной водой, лечь в прохладной комнате на мягкую постель и отключиться.

Алия была дома. Я, еле ворочая языком, сказал, что пойду под душ, и исчез в ванной комнате. Холодная вода била в моё тело, вызывая дрожь. В мозгах прояснилось, но усталость и желание спать остались. Мне по-прежнему было тошно. Я тут же вырвал на унитаз. Стало немного легче. Наверное, от удара по голове я получил лёгкое сотрясение. Не могло же мне так быть плохо от выпитого коньяка. Прихватив свою одежду, я в трусах поднялся на второй этаж, вошёл в спальню и свалился на кровать. Засыпая, слышал, как меня о чём-то спрашивала Алия, но ничего не понял, и отвечать желания не было.

Проснулся, когда за окнами было уже совсем темно. Через щели прикрытой двери пробивался свет из коридора. За стенкой, в комнате детей, была слышна музыка. Мой мочевого пузырь должен был вот-вот лопнуть. Я не стал ждать этого момента, быстро влез в брюки и спустился в туалет. Из зала слышны были голоса. Я заглянул на кухню. Алия как раз бросала широко нарезанную лапшу в кастрюлю. Приятно пахло свежей бараниной и бульоном.

– Проснулся? – улыбнулась она мне.

– Кто в зале?

– Рено и Жора. Кушать хочешь? Иди в зал, сейчас принесу бешпармак.

Я поднялся снова наверх, надел на себя футболку и спустился в зал.

Жора и Рено пили водку. В бутылке оставалось еще грам двести. Жора налил сто грамм в бокал и подвинул ко мне.

– Нет, спасибо, я пить не буду. Что за праздник у вас, что вы в будний день пьёте?

– Я-то пью вечером, – засмеялся Жора, – а вы с утра уже заквашенные.

– Мы стресс снимали, – сказал Рено.

– Меня сегодня один идиот чуть не убил. Если Рено случайно не объявился бы на складах, кто его знает, что со мной сейчас было бы.

– В следующий раз на случай лучше не полагаться, – сказал Жора и спросил у Рено, – Это опять твой чеченец был? Он уже всем изрядно надоел.

– Мне тоже. Уволю я его. По-моему, он какими-то махинациями за моей спиной занимается. Вечно возле него какие-то подозрительные лица крутятся.

– Я знаю, чем он занимается, – задумчиво проговорил Жора. – Я таких типов сразу бы к стенке ставил. Без суда и следствия.

– Жора, ты же служитель власти, – засмеялся Рено. – Хорошо, что не ты законы придумываешь. По тебе, каждого второго надо бы расстрелять и меня в том числе. Может быть, чеченец ничем тёмным не занимается. Просто у него характер такой паршивый.

– Я знаю, что говорю, – с какой-то злобой в голосе проговорил Жора. – Этот твой идиот плохо кончит. Я в этом уверен.

Я в их дискуссию не вмешивался, но мне странно было слышать эти слова от Жоры. Раньше он был много терпимей к людям. После его слов на душе стало беспокойно. Если бы Жора знал, зачем я здесь, то, наверное, я был бы один из первых кандидатов на место у стенки для расстрела. Или, согласно его теории, мне нужно памятник поставить? Кто я на самом деле? Заурядный убийца или рука правосудия? Ни тем, ни другим я не хотел быть, и самое большое желание во мне было – бросить всё, уехать обратно в Германию и навсегда забыть эту историю. Но что-то удерживало меня. Где-то в самом углу моей совести сидело ещё маленькое сомнение, которое оправдывало меня и мешало сделать тот единственный правильный шаг. Это как у утопающего в океане: он видит вдалеке парус и изо всех сил держится на плаву, в надежде, что скоро придёт его спасение, но парус исчезает всё дальше за горизонтом и единственное, что ждёт пловца – это дно океана.

Я так замкнулся в своих мыслях, что не слышал, как Жора о чём-то спрашивал меня. Только когда он толкнул меня в плечо, я пришёл в себя.

– О чём задумался, детина?

– Да, так, ничего особенного.

– Что с тобой? Пить не пьёшь и не кушаешь.

– Спасибо, Жора, что-то аппетита нет.

Мне действительно не хотелось есть. Чтобы не обидеть хозяйку, я выпил пиалу сорпы и этого мне хватило. Рено выглядел усталым и бесцельно тыкал вилкой в бешпармак, пытаясь зацепить лапшу.

– Позвони, пожалуйста, брату, – сказал он Жоре, – пусть приедет и заберёт меня.

Жора пошел к телефону звонить. Мы ещё минут десять говорили на разные темы, и когда на улице просигналила машина, с облегчением встали из-за стола.

– Проводи меня на улицу, – сказал мне Рено.

Я вышел вместе с ним к машине. За рулём сидел его младший брат. Он из машины не выходил.

– Я говорил с Губатом, – сказал Рено. – Приходи послезавтра вечером к восьми часам в ресторан на Западе. Я вас познакомлю.

Рено сел в машину и уехал. Я вернулся в дом. Жора ещё сидел за столом. Вторая бутылка водки была наполовину пуста. Я знал, что ему надо было много выпить, чтобы опьянеть. Вот и сейчас он не был пьян, но таким я его ещё не видел. Он смотрел отсутствующим взглядом куда-то в одну точку на стене, и мыслями был совсем далеко. Я оставил его одного и прошёл в кухню. Алия домывала посуду. Она тоже о чём-то думала и, когда я вошёл, испуганно вздрогнула.

– Что это с Жорой, – спросил я, – сидит в зале какой-то потерянный.

– Устал, наверное.

Она проговорила эти слова с напряжением, и видно было, что ей ни о чём не хотелось говорить.

– Уже поздно. Пойду, лягу.

Мне, собственно, спать не хотелось, но и здесь я был в этот момент лишний. Я поднялся наверх, лёг в свою постель и стал читать начатую раньше книгу.

До встречи с Губатом было ещё два дня. Червь сомнения продолжал грызть меня. Их было даже два. Один вгрызался в меня, требуя свернуть мою сомнительную миссию, другой ставил мне вопрос за вопросом. И главный вопрос был, тот ли это человек, с которым я должен встретиться в ресторане. Как мне с ним говорить? Как начать разговор? Сомнения, сомнения...

Май был прекрасен. Давно не испытывал я такого тепла. Термометр в тени показывал больше тридцати градусов. После апрельских дождей отовсюду лезла зелень. Маки окрасили в красный цвет поля и обочины дорог. Цвела сирень, вызывая в груди тоску и желание любви и ласки. Вода в реке была тёплой, и горячий песок прогревал тело до последней косточки. Каникулы ещё не наступили, на берегу было тихо. Лишь иногда пролетит сорока, пробежит мимо, забыв об осторожности, степная куропатка, в лощинах, где после весеннего разлива реки стояла ещё вода, важно вышагивали цапли, вылавливая головастика и неопытных лягушат. Ласточки, предвещая и в дальнейшем хорошую погоду, суетливо летали высоко в небе. Вдалеке, на другом берегу, виднелась чабанская юрта. Оттуда приносило ветром запах горелого кизяка и кислого молока. После весеннего паводка вода в реке упала до нормального уровня, и теперь течение было не таким быстрым, но все равно там, где берега круто обрывались вниз к реке, нет-нет, да было слышно, как вдруг с громким всплеском падал в воду кусок подмытого берега. От этого звука, как после сигнала, просыпалось всё живое вокруг. Тяжело поднимались перепёлки с земли, испуганно верещали воробьи, суслики спасались в своих норах, собаки на другом берегу начинали громко лаять в эту сторону, цапли замирали на тощих ногах, вытягивали свои длинные шеи и удивлённо смотрели в сторону всплеска. Было жарко, но терпимо. Моё тело почти не ощущало эту жару. Это, наверное, потому, что родился в этих местах и мой организм с рождения был приспособлен к такому жаркому климату. Лёжа на берегу, я наслаждался тишиной и окружающей природой и старался отключиться от мрачных мыслей. И, когда мне это удавалось, был по-настоящему счастлив.

Я пришёл в ресторан к восьми часам. Людей в нём было ещё мало. Через затемнённые шторами окна пробивались лучи заходящего солнца. В гардеробе перед входом в главный зал уже зажгли настенные плафоны. Я прошёл в зал. Здесь было тихо. Несколько пар сидели в затемнённых и огороженных барьерами углах. Два молодых официанта скучали у стойки бара. Из кухни слышен был оживлённый разговор двух женщин. Я занял место в одной из кабин и стал изучать меню. Тут же подскочил официант и в ожидании остановился напротив меня. Честно говоря, кушать мне не хотелось. Алия нажарила к обеду беляшей и я в охотку съел их с десятком. Под вечер я напился чая с баурсаками и теперь был сыт. Увидев, что в меню стоит окрошка, я решил всё же заказать себе тарелочку. От жирной еды сушило во рту, и окрошка была бы кстати.

– Порцию окрошки и бутылку пепси, пожалуйста, – заказал я официанту. Тот быстро что-то черкнул в своем узком блокнотике и тут же исчез.

До отъезда в Германию я несколько раз бывал в этом ресторане. Он был не очень популярен. Серые стены, бедная обстановка, назойливый запах протухшего мяса из кухни, мухи, крошки на полу – так выглядел этот ресторан раньше. Типичная столовая. Теперь же из кухни пахло чем-то вкусным. Вдоль стен главного зала располагались отдельные кабины для гостей. Их деревянные перегородки были украшены резьбой на мотивы казахских сказаний. Мебель из красного дерева, стулья, обитые зелёным плюшем, хрустальные люстры, свисавшие с потолка, еле слышное жужжание кондиционера, праздничная одежда официантов и чистота создавали уют и вызвали доверие.

Официант принёс окрошку в глиняном горшке и деревянную ложку. Вместо хлеба в плетёной корзиночке лежали свежие, только что из тандыра, лепёшки.

Рено задерживался. Зал постепенно наполнялся людьми. В дальнем от меня углу на маленькой сцене появились музыканты, неспеша начавшие расставлять свою аппаратуру. К двум прежним официантам добавились две новые официантки. Они обслуживали столики в зале. Одну из них я знал. Она училась со мной в одной школе. Одно время я ухаживал за ней, но ей в то время нравились другие мальчики. Я с интересом наблюдал за ней из своей кабины. Плотная прилегающая белая блузка красиво обтягивала полную упругую грудь, синяя мини-юбка подчёркивала её грациозную фигуру и приглашала любоваться стройными ногами. Она дежурно улыбалась, принимая заказы, и от улыбки вздергивался нос, а по углам губ появлялись две симпатичные складочки. Когда она, получив очередной заказ, спешила на кухню, я окликнул её.

– Тоня, привет.

Она удивлённо глянула в мою сторону и радостно улыбнулась.

– Не уходи, Эдик, будет посвободней, поговорим.

Рено пришёл на целый час позже назначенного времени. В зале уже играла музыка и несколько пар танцевали. На улице становилось темно и в зале зажглись люстры, но в кабине оставался полумрак. Я задумчиво слушал мелодию старинного танго и не заметил, как пришёл Рено. Он остановился в дверях кабины.

– Эдик, привет. Заждался? Знакомся, Губат.

Я приподнялся и пожал протянутую через стол ладонь. Она была тонкой и мягкой. Её пожатия я почти не ощутил. Молодой человек сел за стол. Ему было не больше тридцати лет. На тонком продолговатом лице сидели модные очки, через которые задумчиво смотрели карие глаза. Чёрные волосы были смазаны какой-то мазью и аккуратно уложены. Лицо гладко выбрито, только над верхней тонкой губой пробивалась двухдневная щетина. В ресторане его хорошо знали. Официант сразу объявился в нашей кабине. Губат что-то сказал ему по-казахски, тот черкнул ручкой в своём блокнотике. Рено заказал гуляш и бутылку коньяка. Я попросил принести мне бутылку пива. Губат всё время молчал. Говорил, в основном, Рено. Он спросил, как мне отдыхается, чем занимается Жора, пожаловался на жару, посмеялся над тем, что меня чуть не убил его завскладом.

Принесли заказанное. Рено разлил коньяк по рюмкам. Мы молча выпили. Они оба ели сосредоточенно, так, как-будто в этом был весь смысл нашей встречи. Я пил холодное пиво и наблюдал, как работает в зале Тоня. Мы выпили ещё по одному разу, после чего Рено встал и ушёл в сторону выхода, где был бар и туалеты. Губат отложил вилку и нож и вопросительно уставился на меня. Я подождал мгновение, вытащил из нагрудного кармана фотографию и положил её возле его рюмки.

– Я частный детектив. Этот человек живёт в городе Н. Мой заказчик попросил найти человека, кто смог бы выполнить одну опасную работу.

Слово «убить» я выговорить не мог. Губат скептически посмотрел на меня.

– Его надо убрать? – вопрос прозвучал так буднично, как будто речь шла о чём-то обыденном.

Я кивнул. Он взял двумя пальцами фотографию и долго смотрел на неё.

– Что у тебя есть о нём?

– Всё. Адрес, привычки, где он бывает ночью, какой дорогой уходит из дома и какой возвращается, время ухода, и время прихода домой.

Губат ткнул пальцем в сторону бара, где обслуживал посетителей пожилой узбек.

– Завтра отдашь ему конверт.

– Сколько это будет стоить?

– Двадцать пять тысяч долларов.

Он поймал мой недоумённый взгляд, неожиданно улыбнулся и сказал по-немецки:

– Sonderangebot.

Губат налил себе и мне по полрюмке коньяку, выпил, поднялся из-за стола, вытащил из бумажника несколько долларовых бумажек, положил их под свою тарелку и сказал:

– Оставь свой германский телефон у бармена. Через три-четыре недели тебе позвонят.

Рено он не стал ждать, а сразу ушёл. Когда он проходил мимо столиков в зале, мужчины, сидевшие за ними, приподнимались, уважительно здороваясь с ним. Он слегка кивал в ответ и, нигде не задерживаясь, вышел из ресторана. Когда Рено вернулся из туалета, он даже не удивился отсутствию Губата. Мы выпили ещё по полной рюмке и стали вспоминать времена, когда существовал ещё наш трест, когда мы были заняты, казалось, настоящей работой, когда мы ещё верили в полезность того, что мы делали. Сейчас, с высоты прошедших лет, мы стали понимать, до какой степени наивны мы были раньше.

В этот раз я снова напился. Может быть, во мне всё больше просыпалась совесть, сопротивлявшаяся тому, что я делал. Чем ближе я был к своей цели, тем сильнее рос во мне внутренний протест. Единственным способом уйти от этого был алкоголь. Я никогда не был пьяницей, но теперь вливал в себя пиво, коньяк или водку без счёта, не думая о завтрашней головной боли, о приступах язвы в желудке и об удивлённых и осуждающих взглядах жены Жандарбека.

К двум часам ночи Рено уже был не в состоянии что-то говорить. Бармен с помощью официанта вывели его на улицу, и кто-то знакомый увёз его домой. Я сидел в своей затемнённой кабине и пьяно наблюдал, как Тоня рассчитывалась с последними посетителями ресторана. Она выглядела устало. Белая блузка местами плотно прилегала к потному телу и когда она, подпрыгивая на своих голенастых ногах, шла к буфету, соски её груди мелко подрагивали. Во мне просыпалось желание. Мне хотелось потрогать эти упругие соски, целовать их, гладить её бедра и обнимать узкую талию. Мне казалось, я снова в девятом классе стою у стены в коридоре и завистливо смотрю, как десятиклассник Петя, лучший футболист школы, обнимает в укромном месте, за гардеробом, первую красавицу школы.

Она пришла ко мне, когда музыканты собрали уже свои инструменты. В зале никого не было. Бармен у стойки буфета подсчитывал выручку. Из кухни слышался стук посуды. Я выглядел, наверное, смешно, потому что Тоня с улыбкой смотрела на меня. С трудом ворачая языком, я спросил:

– Закончила работу?

– Да. Ты всегда так пьёшь, Эдик?

Я не ответил, а попытался встать из-за стола. У меня это плохо получалось. Она, продолжая улыбаться, подхватила меня под локоть и, с трудом удерживая, повела к выходу.

– Вызвать тебе такси?

– Нет. Пойдем к тебе.

Самым трезвым во мне было желание, и оно было сильнее алкоголя, головной боли и усталости. Я готов был раздеть Тоню здесь, прямо на крыльце ресторана. Мои руки шарили по её телу. Она молча терпела моё хамство. Иногда только, когда я доходил до слишком интимных

мест, перехватывала и убираала мою руку. Я не задумывался почему-то над тем, что она может быть замужем, что дома ждёт её семья, и что у меня могут быть неприятности. Желание заполнить меня всего, так, как будто у меня не было других чувств, других понятий, и в мозгу была только одна извилина, как у животного во время гона.

Я не помнил, как очутился в доме Тони. Запомнились только какие-то отрывки. Включившийся и выключившийся свет в прихожей, стук двери, одежда, оказавшаяся на полу и слова Тони: «Ну ты и идиот, ну ты и идиот!». Она говорила их почему-то совсем тихо, еле слышно, но в моей голове они отдавались громкоголосым эхом. И потом наступила тяжёлая, давящая тишина.

Проснулся я под утро. Где-то за окном, радуясь наступающему рассвету, пел соловей. Какие-то другие птицы пытались с ним соревноваться, но их пение было блеклым и невыразительным. В голове пульсировала боль, и язык присох к нёбу. Рядом спокойно дышала женщина. Её левая нога до самого бедра была открыта, короткие волосы были взлохмачены, и левая рука упиралась мне в плечо. Ночью я, кажется, эту женщину изнасиловал, но было ли это в действительности, сомневался. Я сомневался, – был ли я вообще в эту ночь на что-то способен. Осторожно встав с постели, я стал собирать разбросанную по комнате одежду. Женщина проснулась. Стыдясь, она прикрыла голую ногу и бедро.

– Уже уходишь?

– Да. Прости меня, Тоня, я был пьян.

– Ничего. Свои же. Приходи сегодня, я работаю только до десяти часов вечера.

Собрав одежду, я оделся.

– Ты хочешь, чтобы я пришёл?

– Да.

– Ты не замужем?

– Была. Два раза. Вон, в соседней комнате ребёнок спит.

– Ты знаешь, я через неделю уеду.

– Ну и что? Ты мне всегда нравился. Только раньше слишком несмелый был.

Она засмеялась.

– Хорошо. Я приду к десяти в ресторан.

– Захлопни дверь за собой.

Тоня повернулась ко мне спиной и ровно задышала. Я вышел, стараясь не шуметь. Во дворе у колонки стояло ведро с водой. Я жадно припал к ведру и, когда почувствовал, как изнутри уходит жар, окунул всю голову в ведро. До дома Жоры надо было пройти почти полгорода. Я был рад этому. Прохладное утро, тишина и размеренная ходьба располагали к размышлениям. А подумать было о чём. Например, о том, что я впервые в жизни изменял жене. Дело даже не в том, было ли у меня что-то в эту ночь с Тоней или нет. Дело в том, что я по-настоящему хочу её. И сегодня я пойду к ней. Я уже теперь с нетерпением ждал вечера и встречи с Тоней. Совесть моя в данном случае не сопротивлялась и была спокойной. Другое дело – мой заказ, который был почти выполнен. Мне оставалось только всё, что касается Косинского, вложить в конверт и отнести бармену в ресторан. И тут моя совесть по-настоящему засопровтивлялась. Хотелось бросить всё, уехать в аэропорт и улететь домой. Я знал, что если доведу дело до конца, то в будущем меня будут постоянно преследовать холодные глаза Косинского. Но бросить всё и уехать я не мог. Однажды в юности я случайно оказался у мясокомбината в Караганде. С той стороны, где принимают скот на убой. Стадо двухгодовалых бычков входило в огороженный досками проход. Он сначала был широким, потом всё больше сужался, и в конце хватало места для прохода только одного бычка. Скотина чувствовала, наверное, что её ждёт впереди. Бычки искали с двух сторон выход, пытались повернуть назад, но сзади напирала другая, справа и слева был забор, и идти можно было только вперёд, где их ждал

неизбежный конец. Я чувствовал себя одним из этих бычков. Назад и в сторону уйти я не мог, и путь для меня был только вперёд.

В доме Жоры все, кроме него, ещё спали. Он сидел на кухне и ел булочку с маслом, запивая чаем. Мы поздоровались. Он налил мне свежего чая и подвинул ко мне тарелочку с булочками. Внимательно всмотревшись в меня, он поднялся со стула и ушёл в зал. Оттуда он вернулся с пачкой аспирина.

– Выпей аспирин, а то на тебя страшно смотреть. Хочешь похмелиться?

– Нет, нет, – поспешил я ответить.

Одно напоминание о выпивке вызывало во мне тошноту.

– Я приеду сегодня поздно. Тебе машина нужна?

– Нет.

– Тогда я поеду на «Жигулях». Если что, звони. Может быть, пойдёшь с Алией на базар. Ей надо кое-что купить.

– Я останусь дома. Отдохну.

– Да, отдых тебе нужен, – засмеялся Жора и вышел.

Проснулся я уже перед обедом. Голова больше не болела, но во рту было по-прежнему сухо и противно. Я спустился вниз. Дома никого не было. Видимо, Алия ушла на базар, а дети были ещё в школе. Я заварил себе крепкий чай, подсластил его малиновым вареньем, и выпил подряд три стакана. Мне хотелось на речку, в прохладную воду. Жаль, что Жора уехал на машине, придётся ехать километра четыре на велосипеде, а педали крутить не было никакой охоты. Я стал бесцельно бродить по дому. С того момента, как приехал, у меня, в сущности, не было времени его по-настоящему осмотреть. В зале я внимательно рассмотрел уздечку, седло и саблю, висевшие на стене. Кожа уздечки и седла была старой, потемнела от времени и от многолетнего трения местами лоснилась. Бронзовые чеканки покрылись зеленоватым налётом. Вещи были сделаны рукой мастера, и им было, по всей видимости, больше ста лет. Настоящей редкостью была сабля. На ней самой и на ножнах была нанесена тончайшая резьба по восточным мотивам. Костяная ручка заканчивалась разинутой пастью змеи. Я вытащил саблю из ножен. Ручка удобно легла в ладонь, приятная тяжесть напрягала мышцы, металл сабли тускло поблескивал своим угрожающим остриём. Не одна голова, наверное, слетела с плеч, прежде чем люди придумали новые способы уничтожения себе подобных. Теперь и сабля, и седло, и уздечка одиноко висели на непривычной для них кирпичной стене, окруженные современной мебелью и слабыми людьми.

На втором этаже я заглянул в спальню Жоры и Алии. Мебель была новая и откуда-то из Европы. Постель была аккуратно заправлена и накрыта атласным покрывалом. На комод под зеркалом было расставлено всё то, без чего современная женщина в наше время не может обойтись. Набор этот одинаков – что в Берлине, что в Лондоне, что в Сиднее, в Москве или в дальнем среднеазиатском городке. Разница только в этикетках, количестве, качестве и цене.

В детской комнате всё было просто. Две односпальные кровати, шкаф, два стола для занятий, фотографии Шварцнегера и какой-то фотомодели в мини-юбочке на стене и забытые игрушки в углу в коробке.

В коридоре была ещё одна дверь. Она была всё время заперта, но сегодня оказалась приоткрытой, как бы приглашая войти в неё. Мне давно было интересно, что за этой дверью, но спрашивать об этом хозяев было неудобно. Я открыл дверь и вошёл в маленькую и узкую комнату без окон. Через открытую дверь поступало достаточно света, и я мог её хорошо рассмотреть. Справа, у двери, находился продолговатый сейф, в котором обычно хранят охотничьи ружья. Он был замкнут. Слева стоял двухтумбовый стол и рядом стул. На столе лежали: пачка бумаг, русско-английский и русско-французский словари и квадратная деревянная коробка. Я открыл её. В ней лежал аппарат, который я видел только в кино. Это был оптический прибор для ночной стрельбы. В своё время мы с Жорой начали заниматься в секции

каратэ. Очень быстро у него интерес к каратэ пропал, а я все пять лет учёбы в университете продолжал заниматься и был однажды призёром городских соревнований. Жора же увлёкся стрельбой. Он далеко пошёл бы, если бы случайно не сломал себе правую руку. После этого он только тренировался стрелять, но в соревнованиях больше не участвовал. Разглядывая прибор, я думал, что он нужен Жоре для ночной охоты. Я выдвинул верхний ящик стола и обнаружил там ещё одну коробку. В ней в специальных ячейках лежали: пистолет неизвестной мне конструкции, две обоймы с пулями и продолговатый глушитель к пистолету. Этот оружейный набор и оптический прибор стоили, насколько я знал, кучу денег и простому человеку они недоступны.

Внизу слышались голоса. Пришли дети. Я закрыл коробку с пистолетом, задвинул ящик и вышел из комнаты. Спустившись по лестнице вниз, я сказал мальчишкам, что поеду на велосипеде на речку и вышел из дома. Велосипед стоял прислонённый к воротам гаража. Я заглянул в щель гаражных ворот. Лучи солнца пробивались через редкие щели внутрь и отражались ярким блеском на чёрном лаке машины, марку которой я определить не мог.

Я крутил неторопливо педали и размышлял о том, что я видел в маленькой комнатке и в гараже. «Что всё это значит? Почему Жора ничего не говорит о машине? Для чего ему ночной оптический прибор и пистолет с глушителем?» Одновременно всплывал вопрос, что это за командировки в Европу, о которых Жора не хочет говорить. Загадка на загадке. Я находился в состоянии того любителя кроссвордов, который знал почти все буквы, но правильное слово не складывалось.

Вернулся с речки, когда жара спала. В доме вкусно пахло пловом. Дети уже покушали и смотрели телевизор. Алия предложила мне выпить, но я отказался. Она поставила поднос с пловом на маленький столик в зале, подсунула мне под бок две мягкие подушки, сама устроилась напротив, и мы неторопливо начали есть, обмениваясь короткими репликами. Мне хотелось её о многом спросить, и я ждал только удобного момента. Как-то незаметно мы перешли к разговору о службе её мужа.

– Жора скоро получит звание майора? Я слышал, что его, возможно, переведут в областное управление.

– Он не очень хочет уезжать отсюда.

– Почему?

– Здесь дом, который он сам построил. Здесь друзья и большие связи. Здесь он всех знает.

– Зато в областном управлении больше возможности сделать карьеру.

– Он не хочет долго в милиции работать.

– Как? Он же на хорошем счету. Даже за границу посылают.

– За границу он ездит по частным делам. Не от милиции

Вот те на! Странно: или Алия ошибается, или Жора мне врал насчет Интерпола.

– Почему ты с ним не едешь за границу?

– Жора сказал, что если он поедет в Англию или Францию, как турист, то обязательно возьмёт с собой и меня и детей. А в прочем, Эдик, он меня просил насчёт поездок за границу ни с кем не говорить.

– Почему со мной говоришь об этом?

– Ты же, Эдик, можно сказать, член нашей семьи, – она засмеялась и ушла на кухню за чайником.

Я выпил с нею пару пиалок чая и стал собираться в ресторан на встречу с Тоней.

В ресторане, как и вчера, было много народа. Снова играла музыка. Я прошёл к стойке бара и протянул приготовленный ещё днём конверт стоявшему за стойкой узбеку. Тот, ничего не спрашивая, взял толстый конверт и положил в какое-то отделение под баром. Всё произошло так буднично. Только что, можно сказать, я подписал смертный приговор человеку. Все дни перед этим меня мучила совесть, а сейчас, отдав конверт, я как будто избавился от чего-то,

и совесть вдруг успокоилась. Теперь я больше был обеспокоен чувством вины перед Тоней за вчерашнее, чем тем, что произошло несколько минут назад.

Я вышел на крыльцо ресторана и стал ждать Тоню. Она вышла красивая и уверенная в себе. На ней были светлые брюки и легкая голубая кофточка в мелкую клетку. Волосы были ещё влажными после душа, выглядела она не такой замученной, как вчера, и пахла дорогой шампунью и какими-то приятными духами.

– Пойдём пешком или поедем на такси? – спросила Тоня.

– Пойдём пешком.

Куда пойдём, я не понял, но послушно стал спускаться за ней с крыльца. Когда мы вышли на тротуар, сзади остановилась легковая машина. Хлопнула дверца. Инстинкт надвигающейся опасности заставил меня обернуться. У открытой двери старенького «Форда» стоял верзила и смотрел нам вслед. Свет, падающий из окон ресторана, освещал его угрюмое лицо. За рулём сидел ещё один мужчина. Верзила нагнулся и что-то сказал тому, кто был за рулём. На мгновение фары автомобиля зажглись, высветив нас в ночи. Чувство беспокойства вдруг овладело мною. Оно прошло, когда мы зашли за угол и машина исчезла из вида. Тоне я ничего не сказал. Наступила уже ночь. Луна тускло светила, окружённая загадочной хмарью. В тени деревьев было темно, но фонари на улице не включались. Они не включались, наверное, с того времени, когда развалился Союз. Тротуар был заасфальтирован только местами, мы больше шли по выбоинам и камням. Раньше это была самая благоустроенная улица в городе. Здесь стояло здание Горкома. Теперь громоздкое здание горкома исчезло и на его месте был пустырь. Оттуда несло залежалым мусором. Залаяла собака. Низко над головой пролетела летучая мышь. Тоня испуганно прижалась ко мне.

– Боюсь летучих мышей. Всю жизнь их боялась. Хотя они мне ничего плохого ещё не сделали, – засмеялась она.

Улица была мне знакома. Вчера, наверное, я тоже шёл по ней, но вчерашнюю ночь я не помнил. Я не помнил, как долго мы шли вчера, как выглядит её дом, и была ли это отдельная усадьба или многоквартирный дом. Только когда во дворе увидел колонку и рядом цинковое ведро с водой, вспомнил, где я был вчера.

– Я снимаю в этом доме две комнаты. Хозяйка живёт через стенку. Хорошая женщина. Одна живёт, дети давно разъехались. За жильё недорого берет. Правда, немного глуховатая, но это иногда даже хорошо.

Из-под камня, лежащего у крыльца, Тоня достала ключ и открыла дверь. Широкий коридор делил дом на две части. Правая дверь вела на кухню. Мы вошли в дверь налево. Тоня показала мне на маленький диванчик:

– Садись, я посмотрю, спит ли дочь. Она сгорела сегодня на солнце. Когда уходила на работу, у неё температура была.

Она ушла в смежную комнату. Оттуда слышалось хныканье ребёнка. Я сидел один на диванчике минут пятнадцать. Когда ребёнок затих, Тоня вышла ко мне. Она успела переодеться. На ней был короткий и тесный халат. Её ноги вызываясь голо торчали из под него, и вся её фигура снова вызвала во мне бешеное желание. Я встал и обнял её. Упругие соски через тонкий материал халата упирались в мою грудь и доводили меня до иступления. Мои руки беспорядочно гладили её тело. Она тоже хотела меня. Я это чувствовал и расстегнул халат. Под ним ничего не было. Нам не нужны были ни стоящая у стены односпальная кровать, ни диван: мы опустились на покрытый дешевым паласом пол и предались на нём любви.

Около двенадцати снова заплакал ребёнок. Тоня накинула халат и ушла к девочке. Её опять не было минут десять. Ребёнок продолжал плакать, когда она вышла ко мне.

– Прости, Эдик, у Леночки снова жар. Я лягу с ней рядом. Если хочешь, ложись на кровать.

– Да нет, я пойду. Полчаса и буду у Жоры дома. Может быть, зайти на телеграф и скорую вызвать?

– Не надо. Это пройдёт. Телефон есть у бабки в комнате. Если что, могу сама позвонить.

– Хочешь, я тебе номер телефона моих друзей, у кого я остановился, оставлю?

– Оставь на всякий пожарный. Буду знать, где тебя найти.

Она положила на стол листочек бумаги и цветной карандаш и снова ушла к ребёнку. Когда я уже оделся, она вышла ко мне. Мы обнялись.

– Иди, – сказала она, – я здесь, у окна, постою.

Я вышел из дома, спустился по крыльцу во двор и посмотрел на окно. Её силуэт чётко вырисовывался в оконном проёме. Выходя из калитки, я обратил внимание на стоявшую напротив дома машину. Это был тот же старенький «Форд». Из-за дерева вышел верзила. Я приготовился к драке и пошёл ему навстречу. Удар по голове свалил меня с ног. Я забыл про второго человека. «Как неосторожно», – успел я подумать и потерял сознание.

Очнулся в машине. Через открытые окна слышен был плеск воды. Справа мерцали редкие огни города. Слева был маленький обрыв, и за ним виднелась река. Под светом луны вода в реке то искрилась серебристыми блесками, то становилась зловеще-чёрной. На фоне кустов, метров в пятнадцати от машины, были видны два человеческих силуэта, и оттуда слышался громкий разговор. Они курили, и жёлтые точки сигарет то поднимались на уровень рта, то опускались вниз или же делали замысловатые зигзаги. «Чёрт, неужели этот идиот действительно хочет выполнить свою угрозу» – подумал я.

От удара в голове пульсировала боль. За эти несколько дней я столько получил по голове, сколько не получал за всю предыдущую жизнь. Во мне начал расти страх. Я попытался подняться с сиденья, но не смог. Руки сзади были связаны верёвкой и ремнём безопасности привязаны к сиденью. «Неужели это всё?! Неужели так бессмысленно должна закончиться моя жизнь?!». Я начал думать о том, что моя смерть может быть наказанием за задуманное мною убийство человека. «Господи, ты же знаешь, что я вынужден это делать. Я и Косинский – мы же разные люди. Он заслуживает смерти, я же еще нет. Ведь это же несправедливо!».

В зеркале заднего вида вдруг коротко мелькнул луч света. Он блеснул на мгновение и исчез. Где-то далеко послышался еле слышный звук мотора. Тонкий лучик света снова мелькнул в зеркале. Неужели, кто-то едет в эту сторону. Эти двое не станут меня убивать при свидетелях. Я схватился за этот кусочек надежды, как утопающий за спасательный круг. С напряжением всматривался я в узкое зеркало впереди меня, вслушивался в ночную тишину, но зеркало было темным и слышен был только звук струящейся воды и разговор двоих под кустарником. Редкая тучка закрыла луну, и всё вокруг погрузилось в черноту. Светящийся окурок сигареты полетел в сторону воды. Из меня уходила надежда, и я опять наполнялся страхом. Я всматривался в стоявших впереди двух людей и пытался уловить, о чём они говорят. Их разговор стал громче. Вдруг один силуэт исчез. Что-то закричал второй. Он стал нагибаться вперёд и неожиданно тоже исчез с моих глаз. Всё это происходило в течении каких-то секунд и сопровождалось глухим хлюпающим звуком, напоминавшим мне звук входящей в землю пули, когда на военных сборах во время учебной стрельбы я не попадал в цель. Стало угрожающе тихо. Я испуганно, чуть ли не в трансе, сидел на сиденье и всматривался в ту сторону, где только что стояли два человека. Прошло минут пять. Никто не поднимался с земли. Луна по-прежнему была закрыта тучей, и поднялся порывистый ветер. Дверь машины с моей стороны резко открылась. Я хотел повернуться в ту сторону, но чья-то ладонь больно упёрлась мне в лицо. Я почувствовал, как что-то холодное и острое произошло по моим рукам. Завязанные на руках верёвки ослабли. Ладонь с силой толкнула меня на сиденье. Я упал на бок. От машины быстро удалялся кто-то, но увидеть, кто это был, у меня возможности не было. Прошло ещё минут пять, пока я освободился от верёвок. Из левой ладони сочилась кровь. Вдали снова послышался шум мотора и тут же пропал. Я вытер кровь на ладоне о сиденье машины и вышел

из неё. Голова кружилась, и мне пришлось опереться на дверь, чтобы не упасть. Когда головокружение прошло, я пошёл в сторону кустарников. Верзила и его друг лежали на земле без движения. Там, где их головы чуть ли не прикасались друг к другу, расплылось тёмное пятно. Я уже знал точно, что это кровь. Опустившись на одно колено, я попытался нащупать пульс сначала у верзилы, потом у его друга. Они были мертвы. Я быстро встал и пошёл в сторону города. В моей голове продолжала пульсировать боль, болела порезанная ладонь, но я не обращал на это никакого внимания. Мне хотелось как можно быстрее исчезнуть с этого места. При этом, я совершенно не задумывался над тем, кто мог стрелять, кто разрезал мне верёвки на руках и откуда этот человек мог знать, что происходит на берегу реки. Через полчаса быстрой ходьбы я был на окраине города. Здесь, выбирая наиболее тёмные стороны улиц, я шёл ещё минут сорок к дому Жоры. Дом был тёмный. Не видно было ни одного огонька. «Жигулей» во дворе тоже не было. Я осторожно открыл дверь и вошёл в дом. В ванной снял с себя замаранные кровью брюки и рубаху и смыл под краном не совсем ещё засохшие пятна крови. Все органы внутри меня продолжали мелко дрожать. Не стало легче под душем. Минут десять я мучил себя холодной водой, и когда совсем замёрз, вылез из под крана и вытерся насухо полотенцем. На голове, в том месте, по которому я получил удар, выросла шишка, и из рассечённой кожи сочилась жидкость. На кухне я достал из холодильника бутылку водки, смочил прижатую из ванны вату и приложил её к ране. Налив в стакан грамм сто пятьдесят водки, выпил. Она обожгла всё внутри. Через пару минут внутренняя дрожь прекратилась. Прижимая вату к голове, я поднялся на второй этаж. В комнате Алины зажёгся свет. Она вышла из спальни, одетая в халат.

– Что с тобой случилось? – спросила она обеспокоенно.

Я стоял перед ней в трусах, с мокрой головой после душа, прижимал к ране кусок ваты и выглядел или смешно, или трагично.

– Ничего особенного. Не заметил сучок на дереве. Где Жора?

– Он часа два назад уехал. Кто-то звонил ему. Наверное, из милиции.

Я вошёл в свою комнату и закрыл за собой дверь. После выпитой водки на меня вдруг навалилась усталость, и мне хотелось спать.

Рано утром меня разбудила Алина.

– Тебя к телефону, Эдик. Какая-то женщина.

В голосе Алины слышался упрек. Она дружила с моей женой и, конечно же, догадывалась, где я пропадал последние ночи. Звонила Тоня.

– Эдик, с тобой всё в порядке?! – её голос звучал облегченно и в то же время тревожно.

– Да. Со мной всё в порядке.

– Я видела в окно, как тебя кто-то ударил. Когда выбежала на улицу, машина уже тронулась с места. Я номер записала и сразу позвонила твоим друзьям. Жандарбек – это начальник уголовного розыска города? Ты у него живёшь?

– Да.

– Ну, тогда ясно. С тобой ничего не может случиться, – она с облегчением засмеялась в трубку.

– Тоня, ты никому, кроме Жандарбека, не говори о том, что видела ночью.

– Почему?

– Позже объясню. Ты до сколько сегодня работаешь?

– Сегодня не приходи, Эдик. Пётр приехал. Ты его знаешь, он учился в нашей школе. Он отец моей дочери. Я не хочу, чтобы он тебя со мной увидел.

Она замолчала и потом тихо сказала:

– Нам, наверное, не надо больше встречаться. Прощай.

Щёлкнула трубка и пошли гудки. Она хорошая женщина, но по-настоящему я любил только свою жену.

Я целый день не выходил на улицу. Во мне сидело предчувствие чего-то непонятного и страшного. Жора тоже дома не объявлялся. Тоня позвонила ещё раз вечером. Она была в панике.

– Эдик! В ресторане говорят, что на берегу два трупа нашли. И машина рядом та самая, на которой тебя вчера ночью увозили. Эдик, что теперь будет?!

– Успокойся, Тоня.

– Не ты их...? – она не закончила фразы и замолчала.

– Как и чем?! Слушай, я был без памяти, а когда очнулся, они были уже мёртвые. Я не знаю, кто это был. Честно. Тоня, ты никому ничего не говори. Никто же не знает, что ты видела этих двоих ночью. Если ты будешь молчать, никто тебя спрашивать не будет. Тоня, я прошу тебя, молчи.

– Хорошо, – тихо проговорила она в трубку, – я буду молчать.

Она ждала, что я скажу ещё что-нибудь, но я не знал, что сказать ей и, в конце концов, Тоня положила трубку.

Алия целый день вопросительно поглядывала на меня, но, как настоящая восточная женщина, вопросов не задавала. Жора пришёл поздно ночью. Я был в своей комнате и слышал, как снизу он говорил о чём-то с женой. Он поднялся наверх, заглянул в комнату детей, о чём-то минут пять с ними говорил и потом зашёл ко мне.

– Мне надо с тобой поговорить. Пошли в зал.

Мы спустились вниз. Алия поставила нам самовар и заварила чай в фарфоровом чайнике. На столе стояли сладости и две пиалки. Жора ушёл на кухню и вернулся оттуда с бутылкой коньяка и двумя стограммовыми стаканчиками. Он подождал, когда Алия выйдет из зала, налил по полному стаканчику, стоя выпил и только потом сел напротив меня.

– Выпей.

Я выпил и спросил:

– Ты был вчера ночью на берегу?

– Какая разница.

– Ты стрелял?

Он молчал.

– Нужно было стрелять?! Ведь если бы ты подъехал, они мне ничего бы не сделали. Как ты мог?!

– Ты ничего не понимаешь, Эдик. У обоих были при себе пистолеты. Чеченец меня давно уже ненавидел, и если я объявился бы возле вас, он не задумываясь уложил бы меня на месте. Было бы тебе легче, если бы мы оба кормили рыб на дне реки? Что ты так жалеешь их?! Они скоты, по которым давно пуля плакала!

– Жора, они же люди!

– Эти люди полкилограмма героина в машине имели. А для тебя в багажнике лежала чугунная болванка килограмм на тридцать. Если бы не я, тебя давно не было бы. Может быть, месяца через два всплыл бы где-нибудь.

– Мне теперь всю жизнь молиться на тебя за своё спасение, что ли?

– Не обязательно.

Он был раздражён, но сдерживал себя.

– Что будем делать? – спросил я после долгого молчания.

– Я надеюсь, что ты не пойдёшь меня сдавать в милицию?

– Нет, Жора.

– Да тебе всё равно никто не поверил бы.

– Почему?

– Потому, что ты один из главных подозреваемых.

– Как так?!

В который раз за эти дни на спине начал выступать холодный пот.

– Я хоть и начальник отдела уголовного розыска, но дело по двум обнаруженным трупам ведут мои инспекторы. Они уже допрашивали Рено и его работников и знают, что у тебя была драка с чеченцем. И то, что ты угрожал его убить, тоже стоит в протоколе. Завтра или послезавтра приедет кто-нибудь из областного отдела. Меня, скорее всего, от этого дела отстранят, потому что один из подозреваемых – мой друг и живёт в настоящее время у меня.

– Жора, ведь никто не видел, что я с ними был на берегу.

– Ты же должен знать, как легко найти третьего, кто был в машине. Мои инспекторы были не особенно внимательны при её осмотре. А специалисты из области в первую очередь заинтересуются отпечатками пальцев в машине и пятнами крови на сиденье. Если у них будет за что зацепиться, то правды они добьются. Я должен буду тебя завтра взять в милицию на допрос. Эта женщина, что звонила мне ночью, кто она?

– Тоня, моя бывшая одноклассница. Она будет молчать. Я сказал ей, что тебе она может доверять.

– Плохо, что здесь женщина замешана. Ладно, это я возьму на себя. На допросе про берег ничего не говори. Ты был у этой женщины и оттуда сразу вернулся ко мне домой. Ясно?

– Да.

– Про драку с чеченцем на заводе можешь рассказывать. Здесь всё равно были свидетели. Как фамилия твоей одноклассницы и где она живёт?

Я назвал фамилию Тони и примерно рассказал, как найти её.

– Но сейчас она ещё в ресторане. Она работает там.

Жора поднялся со стула.

– В ресторан я, конечно, не пойду.

– Что ты надумал, Жора?

Видимо, в моём голосе было что-то такое, отчего он вдруг зло засмеялся и, глядя на меня в упор, сказал:

– Я знаю, о чём ты сейчас подумал, но до такой степени я не опустился.

Наверное, именно в этот момент в наших отношениях что-то нарушилось. Маленькая трещинка пролегла между нами.

– К твоему сведению, ты не единственный подозреваемый в этом деле. Эти двое занимались продажей наркотиков и, может быть, их убрали конкуренты. Они не первые и не последние, кого из-за наркотиков убирают с дороги. Во всяком случае, я пытаюсь, пока ещё в состоянии, повернуть следствие в этом направлении.

Он выпил ещё коньяку и, не пожелав мне спокойной ночи, ушёл в свою спальню.

Я сидел ещё некоторое время в зале. В голове было пусто. Я как будто раздвоился. Тело моё сидело за столом, а сознание где-то витало в вакууме и не хотело возвращаться назад, потому что здесь, в действительности, всё было сложно, непонятно и страшно.

Утром я вместе с Жорой поехал в милицию. По дороге мы молчали, но это было не то молчание, в котором мы ехали из аэропорта. Тогда мы молчали, наслаждаясь природой, заходящим солнцем, свежестью надвигающегося вечера и встречей друг с другом. Теперь же молчание было тягостным, и каждый был бы рад, как можно скорее разойтись. Жора провёл меня на второй этаж, к начальнику милиции. В его кабинете сидел уже один из инспекторов. Начальник милиции был в звании майора, и лет ему было за пятьдесят. Сначала были формальности. Фамилия, имя, отчество, год и место рождения, место жительства и так далее. Когда речь зашла о гражданстве, немного замешкались.

– Я гражданин Германии. От казахского гражданства отказался ещё два года назад, – сказал я.

Начальник милиции был со мной до такой степени вежлив, что предложил:

– Вы можете позвонить в немецкое посольство и информировать об этом допросе.

– Я не чувствую себя в чём-то виноватым, поэтому звонить в посольство не вижу необходимости.

В самом начале допроса Жора ушёл. Вопросы задавал начальник милиции, а молодой инспектор печатал на машинке.

Мне показали две фотографии и спросили, знаю ли я этих людей. Верзилу я сразу узнал, а второй мне был, действительно, незнаком. Я показал на фотографию чеченца и рассказал о стычке с ним на заводе.

– После того дня вы ещё встречались с ним?

– Нет. Больше я этого типа не видел.

– Где вы были в ночь с понедельника на вторник.

Я ответил на этот вопрос так, как мы условились с Жорой. Майор показал пальцем на рану на голове.

– Откуда у вас это?

– Эта шишка и рана от удара ещё с того дня, когда у меня была драка с чеченцем.

– А выглядит она совсем свежо.

– На мне вообще всё плохо заживает.

– Откуда рана на руке?

– Ножом порезался у Жандарбека дома.

– На сиденье машины обнаружена кровь. Мы отправили её в лабораторию. Возможно, нам понадобится ваша кровь для анализа.

– Не вижу в этом никакой необходимости. К убийству этих двоих я не имею никакого отношения.

– А к наркотикам?

– Что вы имеете в виду?

– В машине убитых нашли героин. Может быть, у вас на этой почве с ними ссора произошла?

– Я могу лишь повторить, что чеченца после драки на заводе больше не видел. Второго я вообще не знаю. Неужели вы думаете, что я, юрист по образованию, имеющий собственную детективную контору в Германии, могу иметь какое-то отношение к наркотикам?

– Молодой человек, – с сарказмом проговорил начальник милиции, – я долгое время работал в отделе по борьбе с наркоманией. Кто только не попадался нам: дипломаты, офицеры самого высокого ранга, крупные инженеры, партийные работники и члены правительства. Так что, не будем об образовании и должностях.

Меня допрашивали больше часа. Конечно, если бы я не был другом Жандарбека, разговор был бы совсем другим. Так вежливо со мной не говорили бы. Пока же мне верили, и это сейчас было главным. Только бы ещё Тоня подтвердила, что я был в ту ночь у неё. В принципе, ей врать не придётся. Ей надо только умолчать о том, что случилось на улице перед её домом, когда я вышел от неё.

С Тоней я столкнулся на лестнице. Вместе с каким-то лейтенантом она поднималась на второй этаж. В её глазах стоял испуг. Увидев меня, она виновато улыбнулась. Я взял её за локоть:

– Здравствуй, Тоня. Я подожду тебя на улице.

Она кивнула в ответ. Долго её не держали. Уже через двадцать минут она вышла на улицу. Выражение испуга на её лице исчезло.

– Всё нормально? – спросил я.

– Да. Меня только спросили, действительно ли ты был в ту ночь у меня и знала ли я этих двоих убитых.

– Пойдём, я провожу тебя к дому.

– Не надо, Эдик. Знаешь, я, наверное, уеду отсюда. Петя хочет, чтобы я вернулась к нему. Он не пьёт больше. Да и девочке отец нужен. Поеду с ним в Россию. Терять мне нечего.

Она подошла ко мне, чмокнула в щеку, и быстро пошла в сторону своего дома.

Жору я не стал ждать. Да и он, наверное, не горел желанием меня видеть. Я пошёл в сторону базара. День опять был солнечный и жаркий. За эти полторы недели я уже хорошо загорел. Как было бы прекрасно, если бы я просто отдыхал здесь, если бы не было необходимости кого-то искать и договариваться о каких-то сомнительных делах. Как было бы прекрасно, если бы я не столкнулся с этим идиотом, который лежит теперь в морге с дыркой в голове. Как было бы прекрасно, если бы я не встретил Тоню. Как было бы прекрасно, если Жора оставался бы прежним жизнерадостным и открытым другом. Но прекрасной оставалась только погода. Всё остальное было до тошноты плохо. И, главное, во всём, что произошло, был виноват только я. Сначала я пытался себя оправдать. Искать человека для выполнения моего заказа заставляла моя тупиковая ситуация, мои долги, моя нищета. На драку с чеченцем меня спровоцировал он сам. Тоня мне ещё со школы нравилась. Жора не должен был стрелять в этих двоих. Он же мог с несколькими коллегами всё по-другому организовать. Но с этими аргументами успокоение не приходило. Если копнуть глубже, меня ничего не оправдывало. У миллионов нет денег, масса людей нищенствует, но не каждый готов вылезти из нищеты за счет смерти другого человека. Так ли было необходимым драться с чеченцем. Ведь всё тогда закончилось бы хорошо. Ехал бы спокойно домой. И с Тоней не было никакой любви. Было животное желание и стремление, доказать ей, что я лучше тех, кого она предпочла мне в своей юности. Только в отношении Жоры я был виноват – и, в то же время, не мог оправдать его. Мы были с ним одинаковы. На нас была одна и та же печать – печать убийц.

На базаре было, как всегда, шумно и многолюдно. Но сегодня мне здесь было неинтересно. Я потолкался с полчаса у прилавков и пошёл домой. На душе у меня было беспокойно. Тревога, как заноза, сидела внутри меня, перерастая временами в страх. Я знал: рано или поздно, в милиции узнают, кто был третьим в машине, и тогда мне нужно будет сказать, кто стрелял в этих двоих. Мало кто поверит мне, что я был без сознания и ничего не видел. После драки с чеченцем, после моих угроз в его адрес, я действительно могу оказаться единственным, на кого можно списать эти два труп.

Целый день я не выходил на улицу. Читал, смотрел телевизор. За обедом и ужином я молчал и был невнимателен, когда Алия меня о чём-нибудь спрашивала. Она вопросительно смотрела на меня и выглядела растеряннo. Жора приехал опять поздно. Я с надеждой ждал в своей комнате, когда он поднимется ко мне. Но он не торопился. Весь напрягшись, я прислушивался к доносившимся снизу голосам, но о чём говорила Алия с Жорой, разобрать не мог. Наконец, голоса стихли и послышались шаги по лестнице. Я взял книгу в руки и сделал вид, что читаю. Жора открыл дверь и вошёл в мою комнату. Он был непривычно мрачен. Чувствовалось, как маленькая трещинка в наших отношениях превращается в широкую щель.

– Нам надо поговорить.

Он взял стул и сел напротив меня.

– Меня от расследования отстранили. Завтра приедет оперативная группа из области. Они, конечно же, в первую очередь, начнут проверять версию твоей причастности к убийству. А если ещё анализ крови покажет, что ты был в машине, то хорошего ждать нечего.

– Что мне делать, Жора?

– Меня больше всего беспокоит, что если они за тебя по-настоящему возьмутся, ты сдашь им меня.

– Ты что, Жора?! Мы же друзья! Никогда в жизни!

– Не надо, не клянись. Я видел, как спасая свою шкуру, люди родного брата или отца продавали.

– Может быть, мне уехать?

– Это был бы самый лучший выход. Подписку о невыезде ты не давал?

– Нет.

– Ехать тебе надо сейчас, сразу. Возьмёшь любой самолёт, который летит на запад. В крайнем случае, бери билет до Москвы. Завтра утром тебя здесь, на юге, не должно быть. Деньги у тебя есть?

– Да.

– Возьми «Жигули». Оставишь машину на стоянке в аэропорту. Ключь забросишь в бардачок и захлопнешь дверь. У меня есть второй. Собирайся в темпе.

Он вышел из комнаты. Я начал складывать вещи в чемодан. Пришла Алия. Глаза её были заплаканы.

– Что случилось? Почему ты должен раньше времени, да ещё ночью, уезжать? Что вы от меня скрываете?

– Я ничего не могу тебе сказать.

Мне, действительно, нечего было сказать. Не мог же я ей сказать, что её муж убил двух людей, что виной всему этому был я, и что если не уеду, то кто-то из нас может оказаться за решёткой.

Алия села на стул и наблюдала, как я складываю вещи.

– Это из-за женщины? – спросила она.

– Алия, не спрашивай, прошу тебя. Женщина здесь совершенно ни при чём.

– Неужели нельзя дождаться утра? Бежишь, как какой-то преступник.

Если бы она знала, как близки к истине были её слова.

– Я должен ехать, Алия. Спасибо тебе за всё.

– Ты не представляешь, как мне тяжело. Что-то происходит в моём доме, а что именно, понять не могу. Что за секреты у тебя и у Жоры?

– Спроси Жору. Я уеду, и всё встанет на свои места. Во всём, что сейчас происходит, виноват только я.

С последними словами я захлопнул крышку чемодана. Меня душила обида и в то же время росло раздражение.

– Подожди, я поставлю чай. Поешь на дорогу.

– Не беспокойся. Если проголодаюсь, поем в аэропорту.

Она встала со стула и вышла из комнаты. Я видел, как по её щекам текли слёзы. Ей, конечно же, было обидно. Она была по-настоящему рада моему приезду, а в эту ночь я бегу от них, как из дома прокажённых. Простит ли она меня когда-нибудь?!

Я спустился с чемоданом и сумкой вниз. Жора уже ждал меня в коридоре. Он протянул ключ от машины.

– Прощай. Позвони, как приедешь домой.

Раньше мы бы непременно обнялись, но теперь преграда, возникающая между нами, мешала этому. Только Алия подошла и обняла меня. Она уже не плакала.

– Передай привет моей подруге. Будь осторожней в дороге.

Я вышел из дома, сел в «Жигули» и выехал со двора.

За городом я свернул на обочину, заглушил мотор, упал головой на руль и заплакал. Я плакал, как маленький ребёнок. Слёзы текли из моих глаз, и я не мог их остановить. Всклипывая, я повторял громко, чуть ли не в истерике: «Я сволочь, подлец! Какой я сволочь!!».

Минут через двадцать истерика прошла. Я посидел ещё минут пять, тупо глядя в лобовое стекло, за которым в свете включенных фар, мельтешила мошка. Тяжёлый жук на всем ходу врезался в стекло и медленно сполз к капоту. В ста метрах от машины перебежал дорогу какой-то зверь. Его глаза несколько раз мигнули жёлтыми зрачками в мою сторону. Ни одна машина не проехала мимо меня. Ночь. Все нормальные люди отдыхают. Я посмотрел в зеркало заднего вида. Далеко позади меня светились несколько окон западного микрорайона. Я знал, что с этого

момента двери в этот город для меня закрыты. Прощай город моего детства, прощай Жора, прощай Алия, прощай Тоня, прощай Рено. Простите меня за всё.

Я включил мотор, дал газу и понёсся в сторону аэропорта.

На Манасе мне повезло. Были ещё билеты на самолёт в Москву. Восходящее солнце било в иллюминатор самолёта, когда он начал разгоняться на взлётной полосе. Мы гнались за рассветом до самого Домодедова. Москва встретила хмурым дождём, очередями у киосков и билетных касс, шумом электричек и рычанием моторов междугородних автобусов. Таксисты наперебой предлагали увезти меня в любой конец Москвы, но мне нужно было только в Шереметьево. Я взял старенький «Мерседес» и таксист, довольный, что ему выпало счастье везти иностранца, повёз меня через просыпающийся город на другой его конец.

И на Манасе, и в Домодедово, и в Шереметьево я избегал попадаться на глаза милиции. Страх продолжал сидеть во мне. Только когда тяжёлый «Боинг» пробил чёрные тучи над Москвой и под синим небом понёсся в сторону Мюнхена я начал постепенно приходить в себя. В Мюнхене я перекусил в кафе и только потом позвонил домой. Жена думала сначала, что я звоню из Казахстана и очень удивилась, когда узнала, что я уже нахожусь в Германии. Поздно вечером она встретила меня на вокзале. Дома радостно повисла на мне дочь, вкусно пахло пельменями и домашним уютом. Жена расспрашивала меня об общих знакомых, о погоде, о городе, но, как будто чувствуя что-то, о причине моего преждевременного приезда вопрос не задавала. И я был благодарен ей за это. Не знаю, нашёл бы я в себе силы её обманывать.

После ласк соскучившейся по мне жены, я сразу уснул. Когда под утро проснулся, был весь мокрым от пота. Я боялся вдохнуть. Чувство давящей на меня толщи воды, связанные верёвкой руки и тяжёлый груз в ногах, вызывали во мне панику, и лёгкие готовы были лопнуть без кислорода. Только когда я увидел переплёт окна в спальне, услышал тиканье часов на стене и спокойное дыхание жены рядом, понял, что это был кошмар. Я неподвижно лежал на кровати, переживая, когда успокоится сердце, и с наслаждением втягивал воздух, радуясь, что всё мне только приснилось и что я в действительности живу.

Утром я позвонил своему клиенту. Никто трубку не брал, и я сказал на автоответчик, что звонил Отто. В этот вечер и на следующий день Макс не приезжал. Он приехал лишь на третий вечер после шести часов. Выглядел он совсем плохо. За эти несколько недель он постарел ещё на десяток лет.

– Извините, – виновато сказал он, – жена лежит в больнице. Я не мог её одну оставить.

В его глазах стояли слёзы, и он держался из последних сил. Есть такие моменты, когда по виду человека можно предсказать надвигающуюся беду. Макс был жив, но жизнь из него уже ушла, и чувствовать это было особенно тягостным. Он сидел напротив, устало смотрел на меня, но я не был уверен, видит ли он меня. Он даже не задавал вопросов, и мне пришлось самому начать разговор.

– Господин Макс, я нашел людей, которые выполняют ваш заказ.

– Сколько нужно будет им заплатить? – спросил он без всякого интереса.

– Двадцать пять тысяч долларов. Когда будет выполнен заказ, я не знаю, но лучше чтобы эти деньги были у меня наготове.

– Хорошо. Послезавтра в это же время я привезу их вам сюда.

Нам не о чём было больше говорить, и после нескольких секунд тягостного молчания он встал, протянул свою ладонь и вышел из бюро. Деньги он привёз через два дня в чёрном дипломате. Я не стал их пересчитывать и положил дипломат в сейф. Отчасти потому, что мне было страшно притрагиваться к этим деньгам. Я знал, для оплаты чего были они предназначены.

Мои ночные кошмары продолжались. Каждую ночь я просыпался от удушья, каждую ночь я тонул, каждую ночь я был бесконечно счастлив, что на самом деле живой. Мне надо было что-то предпринять. Но что? Идти к психиатру? Поможет ли он мне? Нет, попробую сам как-нибудь управиться с моей бедой. Я стал принимать таблетки от бессонницы – в надежде,

что в глубоком сне этот кошмар не будет ко мне приходить. Но это помогло только на короткое время.

Прошло ещё две недели. За это время я нашёл себе работу и с начала следующего месяца должен был приступить к обязанностям детектива в одном огромном универсальном магазине. Я пользовался моим бюро и телефоном до конца этого месяца. Заказы я перестал принимать и проводил часы за чтением газет или книг. За окнами наступило настоящее лето. Было непривычно жарко. На площади у фонтана сидели полуголые голенастые девочки. Мускулистые мальчишки в спортивной одежде утоляли жажду пивом, не отвлекаясь на женские прелести. За вынесенными под зонтики столиками не было свободных мест. Мне хотелось взять дочь и уехать на озеро. Но я ждал телефонного звонка.

Он позвонил после обеда и сказал только пару фраз:

– Послезавтра в десять часов у автохауза «Мерседес». Принесите с собой деньги.

Я узнал его голос. Мне кажется, что он тоже знал, с кем говорит. Моё сердце билось также утешенно, как ночью, когда я просыпался от кошмара. В этот момент я понял, что потерял своего друга навсегда.

Через день я был на условленном месте в половине десятого. Моей машины уже не было. Её продали. Я бесцельно бродил вдоль ряда подержанных машин, когда на улице остановилось такси, и из него вышел элегантно одетый, хорошо загоревший под южным солнцем, мужчина. Он сразу прошёл во двор автохауза и остановился недалеко от меня. Нас разделяла только машина. Мы не поздоровались. Он холодно смотрел на меня.

Я поставил дипломат с деньгами возле машины и пошёл к выходу. На тротуаре я оглянулся. Жора держал дипломат в руках и смотрел мне вслед. Он поднял руку и помахал ею.

На следующий день в местной газете промелькнуло сообщение о загадочном ночном убийстве. Подробности не сообщались. Полиция просила свидетелей, слышавших или видевших что-нибудь, сообщить об этом по специальному номеру телефона. В этой же газете на предпоследней странице было траурное объявление. В нём сообщалось о преждевременной смерти сорокалетней женщины. Из чёрной рамки на меня смотрели знакомые усталые глаза.

Макса я больше не видел. Я перестал ночами тонуть. Иногда, совсем редко, во сне ко мне приходил Жора. Он пристально смотрел на меня и прощально махал рукой. Я просыпался с тоской в сердце, и мне хотелось плакать. Но я сдерживал себя. Я перестал его винить. В конечном итоге, я такой же, как он. Я тоже убийца.

Пена солёного моря

Телефонный звонок прозвенел, когда я уже лежал в постели и перелистывал журнал. Трубку сняла жена. Она принесла телефон в спальню и на мой вопросительный взгляд только пожала плечами.

– Алло, – проговорил я в трубку.

– Эдик, это я, Роберт Майер.

– Привет. Как дела?

– Не очень хорошо... Нам нужна твоя помощь. Можно, мы приедем к тебе завтра?

– Я работаю до шести часов вечера. Приезжай в семь.

– Хорошо. Завтра в семь будем.

Он положил трубку.

– Кто это был? – спросила жена, которая уже успела переодеться в пижаму.

– Роберт Майер, мой троюродный брат.

Что-то, наверное, серьёзное заставило его звонить мне. Мы не были друзьями и как родственники тоже особенно не роднились. Он старше меня. Когда после армии он женился, я ходил ещё в начальный класс. Я слышал, что он работал где-то большим начальником и часто помогал родственникам устроить их детей то в институт, то на хорошую работу. В Германию он переехал позже меня, и я толком не знал, где он живёт.

На следующий вечер, сразу после того, как я принял душ и поужинал, зазвенел звонок входной двери. Я открыл, и в квартиру вошли мужчина и женщина. Роберта я узнал. Ему было уже за сорок. Виски серебрились сединой. В памяти моей он остался высоким, мускулистым и весёлым человеком. Теперь же он оказался среднего роста, толстый живот делал его фигуру непропорциональной, и на лице остался отпечаток вечной озабоченности. Его жену я не знал. Я помню, что на свадьбе возле Роберта сидела кудрявая красивая невеста, но сейчас в этой женщине ту невесту я не узнавал. Женщина была полной. На круглом полнощёком лице совсем не к месту сидел маленький нос, глаза навывкате были красными от слёз. В целом, она была симпатичной и вызывала приятное чувство домашнего уюта. Мы обнялись. Жена, не знавшая их, ушла на кухню, а мы прошли в зал. Женщина, сев в кресло, тут же неслышно заплакала, вытатила платочек и стала промокать слёзы. Я вопросительно смотрел на Роберта. Сцена была тягостной, и мне хотелось как можно быстрее перейти к делу.

– Что случилось, Роберт?

– Наша дочь пропала. Больше двух недель от неё ни слуха, ни духа. Она у нас, вообще-то, домашняя. Ещё не было такого, чтобы уезжала и не говорила, куда и на какое время.

– Почему в полицию не заявили?

– Сразу на третий день заявили. Заявление приняли, но никто, по-моему, не собирается её искать. Я был в пятницу в полиции. Мне сказали, что моя дочь уже совершеннолетняя и вправе жить там, где она хочет.

– Формально, они правы. Но выяснить, где ваша дочь, могли бы.

– Мы получили открытку от Нели. Я, по глупости, показал её в полиции. Это была моя ошибка.

– Действительно, если дочь прислала открытку, тогда всё в порядке. Откуда она её прислала?

– Из Хорватии.

Он достал из нагрудного кармана открытку и протянул мне. Пришла из кухни жена и пригласила нас к чаю. За столом я прочел открытку. Текст был самый обычный: *«Мама и папа. Самой всё в порядке. Атдыхаю на биригу моря. Пагода прикрасная. Привет всем, всем. Неля».*

– Сколько ей лет? – спросил я.

- В этом году исполнилось восемнадцать.
- Скорее всего, всё в порядке. Зачем волноваться. Отдохнёт на море и приедет.
- Тебе ничего не показалось странным в открытке?
- Нет, – ответил я и ещё раз пробежал глазами текст. – Ошибок только много.

– Вот это и странно, – вмешалась жена Роберта. – Она была отличницей. Её сочинения были лучшими в школе. Она делала эти ошибки специально, чтобы дать нам понять, что находится в опасности. Может быть, она и поехала сама к морю, но там что-то случилось. В открытке ни обратного адреса, ни номера телефона и сама не звонит. Этого она себе никогда не позволяла. Всё это так подозрительно. Я сердцем чувствую, что моя дочь в опасности.

Женщина опять безвучно заплакала. Роберт умоляюще смотрел на меня. Видимо, он ждал от меня какой-нибудь реакции, но я не знал, чем мог бы ему помочь. Ситуация была непонятная. Напротив меня за столом сидели, в сущности, чужие для меня люди и надеялись, что я со своим образованием юриста и опытом работы частного детектива решу их проблему. Если бы они только знали, что мне подсказывает сейчас мой опыт – он подсказывал мне: «Не ввязывайся в это дело, Эдик. Пусть этим занимается полиция». Но я не послушался внутреннего голоса. Мне было жаль эту плачущую женщину, и я сказал:

- Хорошо. У меня в понедельник отгул на работе и я приеду к вам утром.

Я записал их адрес. Мы допили чай, обмениваясь короткими незначительными фразами, и распрощались.

Понедельник был хмурым и холодным. Обещанное прогнозом погоды тепло не пришло. С неба моросил дождь, и щётки суетливо работали, счищая со стекла потоки воды. За полтора часа я добрался до города, где жил Роберт. Его улицу нашел быстро. Роберт по-прежнему был озабочен, а его жена, наверное, с того времени, как мы расстались, не прекращала плакать. Её глаза были всё такие же опухшие и красные. В глубине души я надеялся, что за эти два дня их дочь вернётся домой и моя помощь им не понадобится.

Сначала мы поехали с Робертом в полицию. Полицейский, принявший нас, отвечал на вопросы коротко и с нетерпением, явно давая понять, что ему некогда. Когда я спросил, почему он не послал запрос о пропавшей девушке в полицию Хорватии, он засмеялся и, вытащив из тоненькой папочки копию открытки, сказал:

– Куда запрос посылать? На этой открытке ни адреса, ни телефона. И нужно ли вообще её искать?! Взрослая девушка уехала со своим другом отдыхать. Зачем вся эта паника?!

Я взял у него копию открытки и карандашом подчеркнул ошибки в тексте.

– Эти ошибки сделаны специально, чтобы дать понять родителям, что с ней что-то случилось. Она просит помощи.

– Девушка, наверное, торопилась, когда писала открытку. – Он снова положил открытку в папочку. – Знаете, сколько таких заявлений мы получаем в летнее время? Нам не хватит персонала на всё реагировать. И, как правило, все заявления оказываются несостоятельными. А насчёт ошибок, так, может быть, она уже забыла русский язык.

Полицейский встал со стула, давая нам понять, что разговор окончен. Я уже хотел уходить, когда полицейский сказал фразу, которая меня насторожила.

– Эта девушка у нас на учёте, как наркоманка. Её дважды задерживали, когда она продавала в дискотеке экстази. Поспрашивайте у её друзей, они, наверное, точно знают, с кем и куда она уехала.

Роберт об этом ничего не говорил. Во мне росло раздражение. Я тоже склонялся к тому, что ничего, в сущности, не случилось и заявление в полицию только лишняя паника. Разбалованная девушка устала от повседневного контроля и, как только ей исполнилось 18 лет, рванула из родного дома, куда глаза глядят.

– Почему ты мне ничего не сказал, что Неля принимает наркотики? – спросил я Роберта, когда мы вышли из здания полиции.

Он отвёл глаза. Лицо его покраснело.

– Какая разница, колется или нет. Она всегда приходила ночевать домой. Конечно, мы ругались с нею, но не до такой степени, чтобы Неля из-за этого из дома уходила. Она согласилась на лечение и через месяц должна быть в наркологической клинике.

– Ты знаешь, с кем твоя дочь дружила? Был у неё постоянный друг?

– Она встречалась с одним югославом. Звать Милош. Я видел его дважды. У Нели в комнате есть его фотография.

Мы поехали к Роберту домой. Время приближалось к обеду. Из кухни пахло чем-то вкусным. Последняя дверь в коридоре вела в комнату девушки. Комната была узкой и длинной. Модный диван был заправлен пледом, и толстая подушка в цветной наволочке косо лежала в его изголовье. Напротив дивана стоял комод, и над ним висело зеркало. Комод был уставлен духами и баночками из под вазелина, и в чёрной шкатулке лежали дешёвые украшения. Ближе к окну стоял высокий торшер и вдоль стены – двухдверный шкаф и стол. На стуле небрежно висела одежда. Над столом на двух полках лежало несколько фотоальбомов, стояли статуэтки русалки с распущенными волосами и клоуна, играющего на гармошке и несколько компактных дисков. Вся мебель была из светлого дерева и делала маленькую комнату объёмной и уютной. Я взял альбомы с полки, сел к столу и стал рассматривать фотографии.

В двух альбомах ничего особенного не было. Фотографии почти все чёрно-белые и на них было запечатлено детство, школьные годы и время каникул в Казахстане. Только в третьем альбоме начались фотографии, которые были сняты здесь в Германии. Счастливая семья стоит у здания аэропорта. Рядом куча сумок и чемоданов. Все одеты в кожаные куртки. У Роберта на голове ондатровая шапка. Фотография Нели и нескольких молодых парней у входа в какое-то здание. Скорее всего, это временный лагерь. На первых фотографиях девушка выглядит счастливой и беззаботной. Прямой нос, выразительная ямочка на подбородке, чуть припухшая нижняя губа, ясные коричневые глаза. Одета она не броско, простенько, но со вкусом и лицом кого-то напоминала. Потом пошли фотографии, где она стоит или у какой-нибудь машины, или в окружении молодых парней, или у шашлычного мангала. Постепенно менялась одежда девушки и выражение её лица. На последних фотографиях она была уже одета вызывающе откровенно. До предела короткие юбочки, открытый живот с серьгой на пупе, глубокий вырез на груди. Смотрела она в объектив устало, как женщина, познавшая жизнь и разочаровавшаяся в ней. На нескольких фотографиях она была снята с человеком, который выглядел старше её. На его смуглом лице сидели большие тёмные глаза, смотревшие уверенно и с вызовом, горбатый нос опускался к тонким губам, на квадратном подбородке торчала узкая бородка. Я показал фотографию Роберту, который всё это время сидел на боковой спинке дивана позади меня.

– Это её друг?

– Да, это Милош.

Я взял две фотографии, на одной из которых Неля и Милош были сняты в полроста, а на второй они стояли в полный рост у какого-то фонтана, и положил их в нагрудный карман рубахи.

– Где живёт Милош? – спросил я у Роберта.

– Точно не знаю, но его друг живёт в соседнем подъезде.

– Он сейчас дома?

– Не могу сказать.

– Пойдём, покажешь, где он живёт.

Мы вышли в коридор и стали обуваться.

– Куда вы? У меня обед готов, – забеспокоилась хозяйка.

– Мы скоро придём, – ответил Роберт.

В соседнем подъезде поднялись на второй этаж и позвонили в дверь. Нам долго не открывали, но когда мы уже собрались уходить, дверь отворилась, и молодой мужчина лет двадцати пяти заспанным голосом грубо спросил:

– Чё надо?

– Толик, это я, дядя Роберт.

Это имя, видимо, ничего молодому человеку не сказало. Или от вчерашнего перепоя, или до конца не проснувшись, он с тоской смотрел на нас и, похоже, мечтал в этот момент только об одном: чтобы его как можно скорее оставили в покое. Одна прядь длинных невымытых волос свешивалась на его левый глаз и мешала ему нас разглядеть. Но ему и не хотелось нас видеть. Ему хотелось покоя.

– Анатолий, ты знаешь, где живёт твой друг Милош? – взял я инициативу в свои руки.

Он безразлично посмотрел на меня и сквозь зубы нехотя сказал:

– Какой он мне друг?! Козёл он!

– Ладно, он тебе не друг, но адрес его хотя бы знаешь?

– Да пошёл ты... Чё ты до меня докопался?

Я схватил его за свисающуюся прядь волос, резко рванул на себя и другой рукой потянул за ручку двери. Его шея оказалась зажатой между дверью и косяком. Он окончательно проснулся, руки панически шарили по двери, но поняв, что сопротивление приносит только больше боли, успокоился.

– Пустите, мне же больно, – стал он вдруг говорить на «Вы». – Милош живёт на Горной улице, у сестры. Это четырехквартирный дом. Рядом парикмахерская.

– Как его фамилия?

Он назвал фамилию. Я отпустил дверь и толкнул Толика в квартиру. Когда спускались по лестнице, вслед понеслись проклятия, но я не обращал на это внимания, и с удовольствием думал о том, что через пару часов в том месте, где дверь врезалась своим острым кантом в шейную вену, расплывётся хороший синяк.

На улице прояснилось. Выглянуло солнце и сразу стало душно. Асфальт быстро высох, и воздух стал наполняться запахом битума, выхлопных газов и мусорных контейнеров. У Роберта на кухне стол уже был накрыт. Я с удовольствием поел. Когда после еды Роберт вышел из кухни, его жена положила свою ладонь на мою руку и дрожащим голосом сказала:

– Неля хорошая девочка. Она растерялась немного, когда попала в незнакомую обстановку. Знаете, как бывает у молодых людей. Они строят себе планы, верят наивно во что-то необыкновенное, и когда сталкиваются с реальной жизнью, не всякий переносит это безболезненно. Мы, взрослые, тоже идеалисты. Ведь и мы жизнь здесь, на западе, представляли себе совсем по-другому. Наверное, не надо было ругаться с ней, а попытаться понять её. Помогите нам, Эдик. Она делает вид, что крепкая, но на самом деле она слабая девочка и если ей не помочь вылезти из этого болота, то она пропадёт.

Женщина убрала свою ладонь с моей руки и заплакала.

После обеда мы поехали на Горную улицу. Найти четырёхквартирный дом возле парикмахерской не составило труда. Я надавил на кнопку, под которой стояла фамилия Милоша. Мягкий приятный голос тут же отозвался на звонок. Роберт назвал свою фамилию, сказал, что он отец Нели и нас впустили в дом. На лестничной площадке второго этажа ждала симпатичная женщина. Она была похожа на своего брата. Черты лица были мягче и нос был не настолько горбат, но губы и глаза выдавали их близкое родство. Мы прошли через открытую дверь в квартиру. Женщина провела нас в зал, показала рукой на диван и сама села в кресло напротив. Я спросил её, где мы могли бы найти Милоша.

– Он уже две недели, как дома не ночевал, может, у своих друзей в гостях, – ответила женщина.

– Неля с ним? – спросил Роберт.

– Вы её отец? – в свою очередь спросила женщина.

– Да.

– Вы знаете, что ваша дочь принимает наркотики? – спросила женщина.

В её голосе чувствовалось раздражение и беспокойство.

– Я знаю всё, – ответил Роберт и снова его лицо покраснело. – Речь же не об этом.

– Она была здесь с Милошем. Мне кажется, что у него из-за неё какие-то неприятности.

Куда они собирались, брат мне не сказал.

– Может быть, он находится в Хорватии? – вмешался я в разговор. – Можете его адрес назвать?

– Он мне не говорил, куда поехал, – с заметным недоверием ответила женщина. – Мне кажется, он чего-то боялся.

– Мне вы можете доверять. Я родственник Роберта. Родители Нели подали заявление в полицию о пропаже своей дочери. Вы же не хотите, чтобы у Милоша из-за этого были неприятности с полицией.

Женщина пристально посмотрела на меня, видимо, что-то обдумывая, и сказала:

– Когда умер наш отец, мы продали свой дом в Хорватии. У Милоша друзья в Скриквенице. Это недалеко от Рьеки, на берегу моря. Если он действительно уехал в Хорватию, то может находиться только там. Точного адреса я не знаю. Он мне, как уехал, тоже не звонил. О нём можно ещё спросить в деревне П. Там у нас жил дядя. Он умер лет пять назад. Детей у него не было, поэтому он переписал дом на меня и Милоша. Дома уже нет. Развалился. А земля принадлежит нам. Я знаю, что у брата в последнее время были проблемы с какими-то долгами. Он хотел продать этот участок в деревне, и рассчитаться с долгами. Это всё, что я могу вам сказать.

Я понял, что большего здесь узнать мы не сможем, и встал с дивана. У выхода из квартиры женщина придержала меня за рукав.

– На прошлой неделе меня остановили на улице два югослава. Они тоже спрашивали, где Милош. Оба из этих типов, как в кино показывают. В тёмных очках, прилизанные причёски, в чёрных костюмах и наглыми мордами. Я им сказала, что Милош от своей фирмы где-то в командировке. Милош обычно звонит, если он в командировке или у кого-нибудь из друзей остаётся. А в этот раз подозрительно долго молчит. На него это не похоже. Эти двое сказали, что ещё раз придут. Я не знаю, что Милош натворил, но так просто он никогда не исчезал. Я всегда знала, куда он уезжает. А сейчас что-то непонятно. Я боюсь.

Она держала мою руку и с какой-то надеждой смотрела на меня, ожидая от меня реакции. Но я не знал, что ей ответить и сказал:

– Досвидания. Если мы что-нибудь узнаем, сразу сообщим вам.

На улице Роберт грубо заматерился.

– Нужно каждому мне намазывать на хлеб, что моя дочь наркоманка?!

Он остановился, опёрся рукой на выступ дома, другой рукой закрыл лицо и, подрагивая плечами, простоял пару минут.

Время быстро катилось к вечеру, и мне нужно было решать: то ли я еду домой, то ли я остаюсь и продолжаю копать дальше. Но где копать и как копать, признаюсь, не знал.

У Роберта дома я позвонил сначала жене и сказал, что останусь здесь ночевать. После этого позвонил своему шефу на работу. Он был на месте. Я попросил его дать мне ещё один день отгула.

Оставив Роберта дома, я снова поехал в полицию. Прежнего полицейского не было и мне пришлось долго ждать, пока не нашёлся кто-нибудь, кто мог бы ответить на мои вопросы. В этот раз меня принял молодой полицейский.

– Герд Киплинг, – вежливо представился он.

Он со вниманием выслушал меня, нашёл тонкую папочку с заявлением о пропаже девушки и копией откритки от неё. Я показал ему фотографию Милоша и рассказал о разговоре с его сестрой.

– Я могу послать факс в Рьекю и попросить разыскать Милоша. Это всё, что можно для вас сейчас сделать.

Полицейский минут пять что-то искал в компьютере и сказал:

– На него у нас ничего нет. Подождём, что ответят из Хорватии.

С этим полицейским было приятно разговаривать. Он был моего возраста, не торопился закончить разговор, внимательно, не перебивая, слушал. В конце разговора мы обменялись впечатлениями о последнем матче сборной Германии по футболу, о растущих ценах на бензин, о последней марке Фольксвагена и о многом другом, что было несущественно и о чём после разговора, как правило, сразу забываешь. Он дал мне свой служебный номер телефона и предложил звонить, если будут вопросы.

Когда я вышел из полицейского здания, было уже пять часов. Наступил час пик. По дорогам сплошным потоком неслись машины. Уставшие от дневной суеты и тяжёлой работы водители тупо смотрели вперёд, механически фиксируя цвет светофора, тормозные огни и мигание поворотных фонарей. Лица их были угрюмы и сосредоточены и похожи они были больше на роботов. Выхлопные газы проникали в легкие, вытравливая оттуда последние остатки кислорода. Мне хотелось вырваться из тисков этого вечного двигателя и я, вписавшись в нескончаемый поток машин, поехал на выезд из города. Проехав бесцельно почти десять километров, я свернул на незнакомую просёлочную дорогу и снова ехал до тех пор, пока не оказался на краю леса. Здесь стояли полусгнившая скамейка и стол. Напротив леса простиралось поле, и по нему шёл трактор с навешенной косилкой. Тракторист подпрыгивал на сиденье, трава ровно ложилась за косилкой, и стая воробьев торопились выловить из травы потревоженных насекомых. Воздух был чист, и мне хотелось вдыхать его бесконечно. Очистив от мусора скамейку, я присел на неё. Из леса тянуло прохладой. За полем начинался другой лесок, и солнце в той стороне уже касалось своим нижним рандом верхушек высоких сосен. Щебетанье птиц, приглушенное урчание тракторного мотора, тепло солнечных лучей, запах прелых листьев из леса смешанный с запахом скошенной травы, приносил успокоение. Забылся шумный город, ушли тревожные мысли, мозг лениво работал, ни на чём конкретно не останавливаясь, и я, по-видимому, впал в дремоту.

Прошёл час. Трактор уехал. Солнце совсем ушло за деревья. Птицы улетели. Ветерок успокоился. Над землёй стлался лёгкий туман. Мне стало холодно. Я поднялся со скамейки, прошёл к машине, сел за руль и неторопливо поехал в город. Встречные машины ехали с включенными фарами. В городе уже мигали рекламные огни. Машин стало меньше, и дышать стало легче.

Меня уже ждали. Роберт с женой ещё не ужинали, и когда я вошёл в двери, все сразу прошли на кухню. Здесь пахло прогорелым маслом и жареной рыбой. После свежего воздуха за городом во мне разыгрался аппетит, и я с удовольствием поел. Хозяйка готовила вкусно, и я подумал, что неспроста у Роберта вырос такой живот.

– Где обычно проводила вечера ваша дочь? – спросил я Роберта.

– В пятницу и субботу на дискотеке. Здесь в пригороде. А в будние дни, если тепло, на заправочной станции «Арал». Это тут недалеко, на следующей улице. Есть ещё кафе-бильярдная, – он назвал кафе, сделал короткую паузу и продолжил. – Это недалеко от центра. Местные туда не заглядывают. Хозяин – югослав, и клиенты в основном его земляки, турки и наши переселенцы. Там, по-моему, и наркотики продают. Когда Неля только начала по ночам поздно приходить, я искал её. Дважды из этого кафе забирал. Потом она мне поставила ультиматум: или я прекращу её по ночам разыскивать, или она уйдёт из дома. Я уже тогда начал догадываться, что с ней что-то не в порядке.

Он замолчал, поднялся из-за стола, достал из холодильника дорогой коньяк, из шкафа два стаканчика и плеснул в них из бутылки по полста грамм. Я не стал отказываться. Мы выпили.

– Как ты узнал, что она принимает наркотики?

– Как-то друзья привели её после дискотеки в невменяемом состоянии. Жена скорую вызвала. Санитар нам сказал, что у неё шок от передозировки. Тогда она неделю в больнице пролежала. Ей сделали промывание, но через неделю она опять начала колотиться.

Мы снова выпили. Кровь, разбавленная алкоголем, разносила по телу успокоительную слабость и мысли в голове приобрели какую-то необъяснимую ясность. Роберт отсутствующе смотрел в окно, где уже было темно. Он повернулся ко мне.

– Там Неля закончила девять классов. Она мечтала учиться в институте. Здесь же всё пошло наперекосяк. Её посадили снова в девятый класс. Немецкий она знала плохо. Желание учиться сразу отбили. Она чуть ли не каждый день после школы приходила домой в слезах. Девятый она закончила, а в десятом только два месяца просидела и бросила. С помощью молодёжной организации устроили её в профессиональную школу на первый подготовительный год. Но она уже не хотела учиться... Завидую тем, кто приехал сюда с маленькими детьми. У них таких проблем не возникает.

– Почему у вас только одна дочь?

– Моя жена года два не могла забеременеть. А когда Нелю родила, неожиданно месяца через три снова забеременела. Решила аборт сделать. У неё открылось сильное кровотечение. Её оперировали, и после этого она уже не могла иметь детей.

Бутылка постепенно опустела. От обилия выпитого прежняя ясность мысли исчезла. Алкоголь теперь не успокаивал, а заставлял усиленно пульсировать кровь, хаотично работать мозг, и язык стал тяжёлым. Я чувствовал себя пьяным, и мне хотелось выйти из этой теплой и душной кухни на улицу, на свежий воздух. Роберт был крепче меня. Он был почти трезв. Или мне это только казалось? Он спросил меня:

– Что же мне дальше делать? Как быть? Я боюсь за нашу дочь.

Я видел, что он был на грани нервного срыва. Мне хотелось быть добрым и что-нибудь сделать для него. Он стал мне вдруг особенно родным и близким. В таком состоянии я был, скорее всего, от количества выпитого.

– Хочешь, я возьму отпуск и поеду в Хорватию.

Этого мне не надо было говорить! Это было сказано необдуманно. А Роберт как будто ждал этих слов.

– Эдик, как хорошо, что ты сам об этом заговорил. Я уверен, что она с Милошем в этом городе, как его Скиреница или Сквореница. У меня есть деньги. Сколько тебе надо на дорогу? Скажи.

Всё! Теперь мне отступать было некуда. Я уже пожалел о своем скороспелом предложении, но мне было стыдно признаться, что я сказал эти слова под влиянием алкоголя. Если я сейчас же не встану из-за стола, то смогу наобещать ещё чёрт знает чего. Надо выйти на улицу.

– Пойду на улицу, – сказал я, тяжело двигая языком. – Насчёт поездки в Хорватию поговорим завтра.

Роберт разочарованно смотрел на меня. Я догадывался, о чём он сейчас думает. Наверное, он думал, что за болтун этот его родственник и можно ли вообще от такого чего-нибудь серьёзного ждать. На душе стало противно, и мне было стыдно смотреть ему в глаза.

– Может, мне пойти с тобой? – спросил Роберт.

– Извини, мне надо побыть одному.

Я вышел из квартиры. На улице светили фонари. Небо снова затянулось тучами. Было прохладно, но душно. Опять будет дождь. Пройдя по тротуару метров двести, я присел на скамейку в маленьком скверике. По дороге проехали две машины. Где-то звучала музыка. Про-

шёл мужчина с собакой. Пёс остановился у фонарного столба, поднял правую лапу и стрельнул мочой в чугунное основание. Я просидел на скамейке минут двадцать. Через мозг проходили какие-то обрывки фраз, мельтешили непонятные картины. Мне захотелось домой, на уютный диван. Я закрыл глаза и задремал, но тут же проснулся, разбуженный шумом проезжавшей машины.

От свежего воздуха и ночной прохлады мне стало легче. Где-то за домами был слышен звук моторов, и над крышами стояло зарево реклам. Я пошёл в ту сторону. Здесь на центральной улице пульсировала жизнь. Машины и люди по-прежнему куда-то спешили. Настойчиво уговаривали зайти рекламы кафе и ресторанов. С большого плаката грудастая девка хвалилась нижним бельем. Страховая фирма обещала, чуть ли не бесплатно, обеспечить людям их старость. Гостиница светилась всеми своими окнами. У её порога стоял седой старик в зелёном костюме и чёрном цилиндре. Я вошёл в маленькое кафе и заказал кофе. Несколько столиков были заняты. Две старенькие, высохшие от времени бабушки шептались о чём-то в углу. Здоровенный африканец доедал салат. Молодая пара напротив меня заканчивали каждую фразу длинным поцелуем.

Кофе освежило и немного отрезвило. Выйдя из кафе, я пошёл вдоль улицы туда, где по моему предположению должна быть заправка. И действительно, там, где дорога раздвигалась, был въезд на маленькую заправочную станцию. Ожидая очередную механическую жертву, стояла с разинутой пастью автомойка. Одна машина жадно глотала бензин из шланга, весело щелкал счетчик, и водитель с напряжением смотрел на быстро бегущие цифры. Здание кассы было ярко освещено. Кассир безучастно смотрел в окно, ожидая, когда клиент, напоив машину досыта, придёт рассчитываться. Двое молодых людей стояли у стационарного пылесоса и потягивали из банок дешёвое пиво. Им было лет по восемнадцать. Оба были одеты в потёртые джинсы, которые едва держались на бёдрах и, казалось, вот-вот спадут.

Я прошёл к двум стоявшим машинам. Изнутри на лобовых стеклах были приклеены бумажки с их ценой. Отсюда мне было хорошо видно то место, где стояли парни. Минут через десять на заправку завернул старенький, весь помятый «Опель». Из него выпорхнули две накрашенные девицы и молодой долговязый парень. «Опель» сразу уехал. Долговязый пошёл к кассе, а девицы присоединились к двум первым парням. Они сразу, как по команде, закурили. Одна из девушек была одета в брюки и плотный пуловер с длинными широкими рукавами. Вторая была в миниюбке и в кофточке, которая закрывала только грудь. На ноздре, на ушах и в пупе у неё торчали тяжелые железные серьги. Долговязый принес пиво и тоже закурил. После каждой затяжки он долго выпускал дым из ноздрей и сплёвывал на изгиб толстого шланга пылесоса. Они о чём-то оживленно говорили. До меня долетали лишь обрывки фраз. Было трудно понять, на каком языке они говорят. Та, что была в миниюбке, после каждой сказанной фразы громко и хрипло смеялась, другая всё время молчала. Я подождал ещё немного и подошёл к ним.

– Привет.

На приветствие ответила только девушка в брюках, остальные с удивлением уставились на меня.

– Я ищу Нелю Майер. Кто-нибудь из вас знает, где её найти?

– Зачем она тебе? – спросила девушка в миниюбке. На сгибе руки вся её кожа была исколота шприцами. Она была худой, и через тонкую кожу можно было проследить движение крови по синим венкам.

– Я её родственник. Меня звать Эдик.

Никто из них не собирался называть себя.

– Были тут уже некоторые «родственнички», – с сарказмом проговорил долговязый, – всё пытались с неё долги получить.

– Так вы знаете её? А Милоша, её друга, тоже знаете?

Никто мне не ответил. Я вытащил фотографию, на которой Неля стояла в полный рост с Милошем и протянул её долговязому. Тот не стал брать фото, а только мельком глянул на неё.

– Я его не знаю.

– Неля уже почти две недели как не появляется дома. Может быть, она здесь в городе? У кого она сейчас живёт?

– Слушай, старик, не много ли вопросов задаешь? – спросил один из парней с висящими джинсами. – Излишнее любопытство обычно к добру не приводит.

Он выдавливал слова из себя, длинно растягивая некоторые буквы, и от сознания своей значимости наполнялся гордостью. Скорее всего, он действительно ничего не знал. Долговязый же знал что-то, но говорить со мной не хотел.

Я вытащил у длинного из нагрудного кармана пачку сигарет, написал на ней номер телефона Роберта и снова втолкнул пачку в кармашек. Длинный всё время оставался спокойным, как будто это был не его карман рубахи и не его пачка сигарет.

– Если вы что-нибудь узнаете или услышите, то позвоните по этому телефону, – сказал я.

Они продолжали безразлично смотреть на меня, желая одного, чтобы этот незнакомый дядя оставил их в покое. Только девушка в брюках с некоторым интересом смотрела на меня. Я пошёл к дороге. На тротуаре я остановился и стал ждать. Она появилась минут через пять. Пуловер красиво облегал её бюст, и брюки элегантно сидели на бёдрах. От света уличного фонаря цвет её симпатичного лица был бледно-голубым.

– Я училась с Нелей в одной группе в профессиональной школе, – без предисловия, заговорила девушка по-русски. – Она в последнее время брала наркотики в долг. Обычно за неё рассчитывался её друг. Но Милош две недели был в командировке, а Неля в это время как с цепи сорвалась. Ей надо было всё больше и больше наркоты. Те, кто давал их ей в долг, хотели, чтобы она свой долг отработала. Ну, ты знаешь как... А когда Милош приехал, он в первый же вечер подрался из-за неё в кафе. В общем, им обоим здесь в городе нельзя было оставаться. Неля как-то говорила мне, что она уедет с Милошем в Хорватию.

– Спасибо, девушка. Как тебя зовут?

– Неважно. Дай двадцать евро. Заправиться бы надо, – она засмеялась, и смех её был звонким и приятным.

Я вытащил из бумажника двадцатку, протянул девушке и, когда она брала деньги, придерживал её руку и задрал рукав пуловера до локтя. На изгибе локтя расплывались синяки и вдоль набухшей вены выстроились чуть видневшиеся точки от шприцов.

– Брось это. Есть много других удовольствий. И они намного дешевле.

Девушка раздраженно вырвала руку и торопливо пошла к заправке. «Идиот», – обозвал я сам себя и пошёл по тротуару вдоль улицы. У кафе, где пил кофе, остановил такси и назвал адрес.

Кафе, о котором говорил Роберт, стояло недалеко от центра. Можно было такси не брать. Это было двухэтажное здание. Большинство окон верхнего этажа были тёмными или тускло светились. Вход же был ярко освещён. За входной дверью находился квадратный коридор. Влево уходила узкая лестница на второй этаж. Справа были две туалетных двери, между ними висел сигаретный автомат. В самом кафе царил полумрак. Только бар был ярко освещён и бармен оживлённо говорил с женщиной непонятного возраста. Помещение было небольшим и вдоль стен стояло всего шесть столиков. В дальнем углу сидели трое турков и о чём-то негромко разговаривали. Прозрачная перегородка отделяла от бара ещё одну комнату, где, по всей вероятности, была бильярдная. Я сел на высокий стул у бара. Бармен тут же вернулся ко мне в ожидании моего заказа. Я не хотел ничего спиртного и заказал чашечку кофе. Бармен разочарованно включил кафе-автомат и потерял ко мне всякий интерес. Когда он подвинул ко мне чашку с кофе, я вытащил из кармана фотографию и положил перед ним.

– Знаете вы их?

Он взял фотографию в руки и, прищурившись, стал разглядывать её. Видимо, он был близорук, но очки не надевал.

– Этот хорват ещё не заплатил мне за разбитое стекло. Зачем он тебе нужен? Тоже должен что-нибудь?

– Меня, в принципе, интересует девушка.

– Не. Здесь её нет. Хочешь, у нас новенькая есть? Украинка. Или хочешь эту, поопытней?

Он показал пальцем в сторону женщины, с которой до этого разговаривал. Женщина, услышав последнюю фразу, улыбнулась мне и поправила прозрачную кофту на груди, отчего сильнее раздвинулся разрез. Я улыбнулся ей.

– Почему хорват разбил стекло?

– Хочешь за него рассчитаться? – бармен засмеялся и постучал длинным ногтем мизинца по фотографии, – шеф свои деньги с него и с этой девицы всё равно получит.

На мой вопрос он не ответил. Я допил кофе. Бармен отнёс туркам три бутылки пива, вернулся за стойку, подошёл снова ко мне и спросил:

– Ты случайно не из полиции?

– Вы боитесь полиции?

Он посмотрел на меня изучающим взглядом и улыбнулся.

В кафе вошли несколько новых посетителей. Свободными оставались только два столика. За стеклянной перегородкой, в бильярдной, виднелись силуэты людей. Стало шумно. Появились три ярко накрашенных девушки в вызывающе свободной одежде. Одна из них под села ко мне и вопросительно уставилась на меня. Бармен на непонятном для меня языке сказал ей что-то, и она тут же исчезла. Недалеко от дверей в бильярдную сидел молодой парень и зло смотрел на меня. Его шея была обёрнута шарфом. Я узнал его. Рядом с ним сидел мужчина лет тридцати. Он был высоким и толстым. Его живот упирался в стол, и от духоты в помещении его рубаха на спине и под мышками была мокрой. Молодой парень что-то сказал толстому, и тот тоже стал с интересом рассматривать меня. Во мне нарастала злость. Я был зол на себя за то, что впутался в эту историю с пропавшей Нелей. Я был зол на бармена за то, что он не ответил на мои вопросы. Я был зол на это кафе, где, по-видимому, функционирует нелегальный публичный дом. Я был зол на незнакомую мне Нелю. Я был зол на её друга Милоша. Я был зол на этого парня в шарфе и его толстого соседа по столу. Я был зол на всех и вся. Я провоцирующе улыбнулся парню в шарфе. Мне нужна была отдушина, моя злость должна была выплеснуться из меня. Я подозвал бармена, достал бумажник и стал отсчитывать мелочь за кофе. Делал я это нарочито медленно. Увидев, что я собираюсь уходить, парень в шарфе и толстый встали из-за стола и вышли из кафе. Я подождал ещё две минуты и вышел на улицу. На противоположной стороне улицы находилась автобусная остановка. Единственный неоновый фонарь возле неё тускло освещал загадочным светом тротуар, деревья и фасад жилого дома. В пяти метрах от остановки в тени деревьев виднелись два силуэта. Я пошёл в их сторону. Они одновременно вышли на свет. Толстый с обвислым животом размахнулся, чтобы меня ударить. Уверенный в своей силе, он делал это медленно и заученно. Его кулак был ещё в пути, как вдруг он всем своим телом начал оседать на задницу. Потеряв равновесие, он упал на асфальт. Не успевший ещё понять происшедшего, парень в шарфе продолжал идти на меня. Я встретил его ударом кулака в скулу. Он остался стоять на ногах, но от второго удара, схватившись руками за живот, согнулся и громко застонал. Моя злость исчезла. Толстый ругался по-немецки и пытался поднять своё грузное тело с асфальта. Я знал, что теперь они мне ничего не сделают, и пошёл в сторону центра.

Было далеко за полночь, когда я позвонил в дверь квартиры Роберта. Открыла его жена. Она была одета в халат и, наверное, ещё не ложилась. Ей хотелось со мной поговорить, но я сказал, что устал и пошёл в спальню, где пахло духами и юностью, и с полки на меня загадочно смотрела русалка. Заснул я сразу, и мне ничего не приснилось.

Проснулся поздно, хозяева были уже давно на ногах. За завтраком чувствовалось какое-то напряжение. Роберт вопросов не задавал и, наверное, ждал, что я начну разговор первым. Я чувствовал себя в некоторой степени виноватым и сказал:

– Вы дадите мне две тысячи евро на дорогу и на расходы. Может быть, мне столько и не понадобится. Лишние деньги получите назад. Я после завтрака поеду в полицию, оттуда к сестре Милоша. Если ничего нового не узнаю, сразу уеду домой. Мне нужно на работе договориться насчёт отпуска. И если получу его, то возьму билет на поезд и сегодня же выеду в Хорватию.

Роберт вышел из кухни и через пару минут вернулся с деньгами. Видимо, они уже давно были приготовлены. Я взял из альбома еще одну фотографию Нели и Милоша. У выхода из квартиры жена Роберта меня обняла и заплакала.

– Досвидания. Я буду вам каждый день звонить, – пообещал я и вышел из квартиры.

В полиции я снова встретился с молодым полицейским. Герд извиняюще улыбнулся.

– На мой запрос из Хорватии пока никакого ответа не поступило.

– Я сегодня поеду в Хорватию. Что девушка там, это уже, можно сказать, точно. И, по всей видимости, что-то с ней там случилось.

Я оставил ему номер мобильного телефона, и мы договорились звонить друг другу.

Из полиции поехал к сестре Милоша, в надежде, что она имеет какие-нибудь новости от него. Возле парикмахерской, дверь которой была, буквально, рядом с входом в подъезд дома, стоял молодой мужчина. На нём была легкая, слишком тесная для него черная куртка, из-под которой проглядывалось натренированное тело. На необычайно толстой шее сидела лысая голова. Глаза были закрыты тёмными солнцезащитными очками. Может быть, я и не обратил бы на него внимания, если бы он просто стоял здесь от безделья, но он, по всей видимости, кого-то ждал. Мало того, когда я разыскивал кнопку с фамилией сестры Милоша, он чуть ли ни через плечо смотрел, на какую кнопку я нажимаю. Эта наглость мне очень не понравилась.

– В чём дело? – недовольно спросил я.

– Всё в порядке, – ответил он с легким акцентом.

Я хотел сказать ему что-нибудь обидное, но подумал, что сейчас не время заводить ссору. Его бицепсы были большим аргументом не в мою пользу. Да и времени не было.

Сестра Милоша была дома. Она открыла дверь и смотрела на меня с надеждой.

– У кого в Скриквенице может быть Милош?

– Вы уверены, что он в Хорватии? – в свою очередь спросила она.

– Да. Я в этом уверен.

Она взяла бумажку с тумбочки, где стоял телефон, и написала несколько имён и адресов.

– Он может быть у кого-нибудь из них, – сказала она, протягивая мне бумажку.

Когда я вышел из подъезда, квадратного силача у дверей уже не было, но у противоположного тротуара стоял чёрный «Мерседес», и оттуда в сторону подъезда смотрели две пары глаз, защищённых тёмными очками. Сидевший на заднем сиденье поднял правую руку, и я угловым зрением успел увидеть в его руке маленький фотоаппарат и еле заметную вспышку. Это уже было слишком. С какой стати меня отслеживают как последнего преступника. Мне хотелось это выяснить сразу же, я сошёл с тротуара и пошёл через дорогу к машине. Мотор «Мерседеса» завёлся, машина рванула с места и быстро скрылась за перекрёстком. Этот эпизод мог быть связан только с исчезновением Милоша. Видимо, он действительно кому-то очень нужен, раз даже за квартирой его сестры устроена слежка. Во мне возникло щемящее беспокойство, которое приходило всегда, когда я подсознательно чувствовал приближение какой-нибудь опасности.

Я чувствовал себя почему-то усталым и опустошённым. У меня не было никакого настроения куда-то ехать и кого-то искать. И Роберт, и его жена, и незнакомая Неля были мне, в сущности, чужими и в голове упорно пульсировал вопрос: «Почему?». Почему именно мне

позвонил Роберт? Почему я не настоял, чтобы этим делом занималась полиция? Почему я так легкомысленно согласился на поездку в Хорватию? Почему я вообще такой дурак, что соглашаюсь на такие авантюры?

В своём городе я в первую очередь заехал в супермаркет. Мой шеф скорчил недовольную рожу, когда услышал просьбу об отпуске.

– Ну, хорошо, – нехотя уступил он. – Ты сейчас получишь недельный отпуск, но в июле и августе тебе никакого отпуска не будет.

Я согласился. На вокзале взял билет до Рьеки. Дома жена устроила мне скандал. Я её хорошо понимал, потому что она твёрдо рассчитывала на отпуск в августе. Обиженная на меня, она до вечера со мной не разговаривала. Только на вокзале, когда пришел поезд, она заплакала и, обняв меня, сказала:

– Береги себя, Эдик.

Утром я был в Рьеке. Над городом светило яркое солнце, но было ещё прохладно.

С моря дул лёгкий бриз. Пахло йодом и рыбой. Меня обступили несколько таксистов, наперебой предлагая свои услуги, но я их не понимал. Один из них спросил меня по-немецки, куда мне надо.

– Скриквеница.

Он назвал цену, я согласился и мы пошли к его машине. У него был старый «Форд». Я бросил сумку на заднее сиденье и сел рядом с водителем. Мотор завёлся сразу, поработал с полминуты с перебоями и потом ровно загудел. Минут десять мы ехали через город.

– Как звать? – спросил я водителя.

– Эмиль, – представился он, и добавил, – Моравец.

Он был моего возраста, но ниже меня ростом и худой. Костлявое скуластое лицо, худые руки, чуть ли не игрушечные ладони с длинными и тонкими пальцами. На щуплых нешироких плечах висела не по размеру большая куртка. Над длинным острым носом из глубоких впадин глядели тёмные глаза. Смолисто-чёрные, кудрявые, давно не чесанные волосы беспорядочно торчали в разные стороны. Весь его вид напоминал мне Буратино.

– Можно в Скриквенице взять машину на прокат? – спросил я.

Он немного подумал.

– Нет. Прокат есть в Рьеке. А зачем где-то брать машину? Сейчас ещё не сезон. Работы мало. Я могу вас возить. Если вы меня возьмёте на всю неделю, то цена будет с большой скидкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.